

Смертельные тайны

Автор:

[Роберт Брындза](#)

Смертельные тайны

Роберт Брындза

Детектив Эрика Фостер #6Новый мировой триллер

Морозным рождественским утром мать находит свою дочь у крыльца – с перерезанным горлом, в луже заледеневшей крови. Кому понадобилось убивать Мариссу, прекрасную и легкомысленную танцовщицу бурлеск-шоу?

Еще не оправившись от предыдущего тяжелого расследования, детектив Эрика Фостер с головой окунается в новое дело. На записи камеры видеонаблюдения видно, что на Мариссу напала темная фигура с закрытым противогазом лицом. Вскоре становится известно, что на жителей пригорода Лондона нападает высокий человек в таком же облачении. Теперь у Эрики есть зацепка.

Однако чем больше перед нами раскрывается характер юной жертвы, тем запутаннее становится дело: слишком неоднозначной личностью была Марисса. И хотя Эрике нужно сосредоточить все силы, чтобы поймать убийцу, вскоре она вынуждена отвлечься на собственные проблемы...

Роберт Брындза

Смертельные тайны

Посвящается Рику и Лоле

Человек редко бывает искренен, когда говорит от своего имени. Но позвольте ему надеть маску – и он скажет всю правду.

Оскар Уайльд

Robert Bryndza

DEADLY SECRETS

© Robert Bryndza, 2018

© Хатуева С., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Поздно вечером, накануне Рождества, Марисса Льюис вышла из электрички на станции Брокли и, слившись с подвыпившей толпой, направилась к наземному переходу. Падали первые снежинки, от людей веяло теплом и алкоголем, и всем не терпелось прийти домой и начать праздновать.

Марисса, безусловно, была красива: черные, как смоль, волосы, точеная фигура и фиалковые, благодаря цветным линзам, глаза. Матери советуют сыновьям остерегаться таких женщин – и она гордилась тем, что она именно такая женщина. Сейчас же она возвращалась домой из лондонского бурлеск-клуба, в котором работала танцовщицей. На ней было длинное винтажное пальто с изысканным меховым воротником, на лице – плотный тон, накладные ресницы и красная помада. На самом верху лестницы идущие впереди два парня обернулись и похотливо осмотрели ее с ног до головы. Проследив за их взглядами, она увидела, что пальто у нее распахнулось, оголив ногу в чулке и подвязке, в которых она выступала. Марисса остановилась и начала застегивать крупные медные пуговицы. Людской поток хлынул в обход нее.

- Надеюсь, мех искусственный, - неодобрительно фыркнул кто-то сзади.

Марисса оглянулась и увидела костлявую девушку с невымытой головой и не менее костлявого парня. Сами они шли в поношенных пуховиках.

- Да, искусственный, - ослепительно улыбнувшись, соврала Марисса.

- А мне кажется, что натуральный, - не успокаивалась девушка.

Ее бойфренд между тем открыв рот смотрел на кружевные подвязки Мариссы.

- Фрэнк! - прикрикнула та на него и потащила за собой по лестнице.

Мех и в самом деле был натуральный. Она отыскала это пальто в винтажном секонд-хэнде в Сохо. Там же был куплен и клатч, висящий у нее на плече.

Марисса поднялась по лестнице и двинулась вперед по переходу. Внизу в свете луны сияли рельсы, а крыши домов начали покрываться снегом. В конце перехода, перед спуском, те самые два парня замедлились и остановились. У Мариссы заколотилось сердце.

- Может, помочь? - спросил тот, что повыше, выставив локоть.

Он был очень симпатичный - с рыжими волосами и гладкой, румяной кожей. На нем был костюм-тройка, длинное коричневое пальто и начищенные коричневые кожаные ботинки. Второй был ниже ростом. Одетый также с иголочки, он тем не менее не мог похвастаться столь привлекательной внешностью, как его друг.

- Нет, все в порядке, - ответила она.

- Здесь скользко, - настаивал первый, беря ее под руку.

Эта парочка стояла перед ней, загородив половину лестницы. Оценив ситуацию, Марисса решила, что сейчас лучше уступить.

- Спасибо, - поблагодарила она и оперлась на его руку.

Второй попытался взять у нее клатч, но она с улыбкой покачала головой. Они двинулись вниз по засыпанному солью снежному месиву, зажав Мариссу посередине. От них разило пивом и сигаретами.

- Ты модель? - спросил тот, что повыше.

- Нет.

- А что такое M.L.? - подхватил его товарищ, указывая на аббревиатуру на клатче.

- Это мои инициалы.

- Да? И как тебя зовут?

- Кстати, я - Сид, а это мой друг Пол, - взял инициативу в свои руки рыжий красавчик.

Пол засмеялся, обнажив крупные желтые зубы. Внизу лестницы Марисса еще раз поблагодарила их и высвободила свою руку.

- Хочешь выпить?

- Нет, спасибо, мне надо домой.

Парни остались стоять на ступеньках, вынуждая толпу обходить их. Они же взвешивали свои шансы.

- Да ладно, сейчас же Рождество, - не отставал Сид. Марисса отошла на другую сторону лестницы, и теперь их разделяла толпа. - Может, тебя подвезти? - предложил он, снова подходя к ней.

Пол также переместился к Мариссе, оттолкнув попавшего ему под ноги парня. Его глаза-бусинки сверлили ее насквозь, но взгляд был расфокусирован.

- Нет. Мне надо домой, правда. Вам спасибо и счастливого Рождества!

- Уверена? – спросил Пол.

- Да, спасибо.

- Можно с тобой сфотографироваться? – спросил Сид.

- В смысле?

- Селфи сделать с красивой девушкой можно же? Ты нам понравилась, пусть у нас будет фото, на которое мы будем смотреть долгими зимними вечерами.

Они смотрели на нее, как волки. Голодные, страшные волки. Они прижались к ней с обеих сторон, Сид вытянул вперед руку с «Айфоном», обнял Мариссу, сделал селфи, затем еще одно. В следующую секунду его пальцы были уже между ее ягодиц.

- Отлично, – сказала она, высвобождая руку.

Они показали ей фото. В камеру она смотрела вытаращенными глазами, но выглядела менее испуганной, чем на самом деле.

- Ты в отличной форме, – заметил Сид. – Точно не согласишься выпить с нами?

- У нас есть водка, ром, вино, – подхватил Пол.

Марисса кинула взгляд на пустеющий переход.

- Извините, ребята. Не сегодня, – сказала она, натужно улыбнувшись, и посмотрела на камеру наблюдения, которая висела прямо над ними.

Они проследили за ее взглядом и, наконец поняв намек, отвернулись и пошли.

- Упрямая сучка, – бросил Пол через несколько шагов.

Марисса с облегчением вздохнула. Они подошли к припаркованной машине и еще раз оглянулись на нее. Она еле успела отвести взгляд и лишь услышала, как они заржали и хлопнули дверьми. Только когда они уехали, Марисса поняла, что продолжает стоять, затаив дыхание.

Выдохнув, она снова бросила взгляд на лестницу. С нее спускались последние пассажиры – высокий красивый мужчина чуть за пятьдесят с невероятно бледной женой.

– Черт, – выдохнула Марисса и, метнувшись к ближайшему билетному автомату, уткнулась в экран.

– Марисса! Я тебя вижу! – послышался сзади пьяный женский голос. – Я тебя вижу, шлюха!

Послышалось торопливое цоканье.

– Джанет! – закричал мужчина.

– А ты вообще сюда не лезь! – заорала в ответ женщина, подойдя вплотную к Мариссе. – А ты не смей к нему приближаться! – сказала она, тыча ей в лицо длинным пальцем.

У нее было багровое опухшее лицо, налитые кровью глаза, а красная помада растеклась по трещинкам вокруг рта.

– Джанет! – Мужчина схватил ее за руку и начал оттаскивать от Мариссы.

Они были примерно одного возраста, но у него было красивое лицо с резкими чертами. Марисса невольно подумала о том, насколько более милосердно время к мужчинам.

– Я стараюсь не попадаться вам на глаза, но мы живем на одной улице, и совсем не пересекаться не получится, – улыбнувшись, сказала она.

– Ну ты и сука!

- Ходила в бар, Джанет?

- Да! - зарычала та. - С законным мужем!

- А ты совсем трезвый, Дон. Хотя тебе не повредила бы пара кружек пива. Тогда и женщина рядом станет красивой.

Джанет замахнулась, чтобы ударить Мариссу, но Дон успел схватить ее за руку.

- Хватит. Марисса, ты что, не можешь промолчать? Видишь же, что ей нехорошо.

- А чего это ты говоришь так, будто меня здесь нет? - заплетающимся языком проговорила Джанет.

- Поехали домой.

И он повел ее по улице так, будто она инвалид.

- Проститутка чертова, - пробормотала Джанет, уходя.

- Мне никто никогда за секс не платил! - закричала Марисса ей вслед. - Спроси у Дона!

Он обернулся и с болью в глазах посмотрел на нее. Непонятно было, кого он жалеет - свою жену-алкоголичку или самого себя. Он посадил Джанет в машину, и они уехали. Марисса закрыла глаза, не в силах противиться воспоминаниям о временах, когда он приходил к ней поздно ночью. Ее мать обычно уже спала, и они тихо пробирались в ее комнату и занимались любовью. Она все еще помнила его тепло на своей коже.

Открыв глаза, Марисса поняла, что стоит совершенно одна - все, кто ехал с ней в электричке, разошлись. Снег падал крупными хлопьями на освещенную площадь перед станцией. Марисса повернула направо, на Фоксбери-роуд. В окнах домов горели рождественские елки, и тишину нарушал только хруст снега у нее под ногами.

За крутым поворотом начиналась неосвещенная Хаусон-роуд. Марисса задумалась и замедлила ход. Ей предстояло преодолеть жилую улицу длиной пятьсот метров почти в кромешной тьме – из всех фонарей горело только два. Она планировала пройти этот участок вместе с другими людьми с электрички – всегда находилось несколько человек, кто шел тем же путем, и было не так страшно. Но из-за Джанет и тех молодых придурков об этом плане пришлось забыть.

Марисса прибавила шагу, устремляясь к ближайшему горящему фонарю. Вздохнуть с облегчением она смогла только на Конистон-роуд, ярко освещенной благодаря расположенной на ней школе. Повернув налево, она прошла мимо игровой площадки и перешла дорогу. Скрипучая калитка ее собственного дома была уже в нескольких метрах. Света в окнах не было, и палисадник утопал во мраке. Она достала ключи и почти что вставила их в замочную скважину, как вдруг услышала сзади какой-то шорох.

– Черт! Как же ты напугал меня, Бикер! – выдохнула она, увидев запрыгнувшего на мусорный бак кота. – Пойдем, – сказала она, сгребая его в охапку. – Слишком холодно нам с тобой ошиваться на улице.

Бикер замурлыкал и пристально посмотрел на нее яркими зелеными глазами. Она зарылась лицом в его теплую шерсть. Кот, вытерпев несколько секунд, заерзал у нее в руках.

– Ну и ладно, ты, маленький мешок дерьма.

Он спрыгнул и пулей метнулся в соседний сад.

Марисса уже вставляла ключ в скважину, когда скрипнула калитка. Она застыла. Послышалось тихое царапанье и шаги на снегу. Марисса медленно повернулась.

За спиной у нее стоял человек в длинном черном плаще. На его лице был противогаз – блестящая кожаная маска, плотно облегающая череп. Глаза скрывались за толстыми стеклянными линзами, дыхательная трубка свисала на грудь. Левой рукой в черной перчатке он держал длинный узкий нож.

Марисса попыталась вставить ключ в скважину, но человек подбежал к ней, схватил за плечо и швырнул об дверь. Взмах лезвия – и на стеклянные линзы

брызнули капли крови.

Клатч упал на землю. Марисса дотронулась до шеи и только тогда почувствовала жгучую боль от глубокого пореза. Она попыталась закричать, но в горле только булькало, рот заполнился кровью. Она стала поднимать руки. Человек потерял равновесие на скользком снегу и махнул ножом, отрезав ей два пальца и нижнюю часть рукава. Марисса задыхалась. Судорожно пытаясь вдохнуть, она только больше захлебывалась кровью. Взяв ее за шкуру, незнакомец потащил ее по дорожке, ударив лицом о кирпичную стойку калитки. Треснула кость, и боль заполонила всю голову.

Мариссу мутило. Она больше не могла дышать. Со спокойной отстраненностью она смотрела, как этот странный человек пытается оттащить ее от входа в глубь маленького палисадника. Он зашатался и чуть не упал, но все же удержался на ногах. Обеими руками он снова взял нож и нанес удар ей в шею. Кровь хлынула на чистый белый снег, и жизнь оставила ее. В последнюю секунду Мариссе показалось, что она узнала лицо, прятавшееся за толстыми линзами противогаза.

Глава 2

Будильник в спальне старшего инспектора Эрики Фостер прозвенел в семь утра. Из-под одеяла высунулась тонкая бледная рука и выключила его. В комнате было темно и холодно. Тусклый свет уличных фонарей проникал сквозь тонкие занавески. Эрика уже три года хотела их поменять, но так и не нашла времени поговорить об этом с хозяином квартиры. Она перевернулась на спину, отбросила одеяло и поплелась в ванную чистить зубы и принимать душ.

Уже одевшись и положив в карман телефон, кошелек и удостоверение, она вспомнила, что сегодня Рождество и она приглашена на праздничный обед к капитану Полу Маршу.

- Черт, - выругалась она, плюхаясь на кровать. - Черт!

Абсолютное большинство сотрудников полиции восприняли бы приглашение на семейный рождественский обед к капитану как подарок судьбы, но Эрика чувствовала тяжесть своих отношений с Маршем.

Она только что завершила изнурительное расследование и арестовала молодую пару, совершившую целую цепочку убийств. Звеном этой цепи стало похищение ими двух маленьких дочек Марша и нанесение телесных повреждений его жене Марси. Дело постепенно приобрело большой резонанс, и Эрика должна была найти и освободить девочек. Ей это удалось, и сейчас она понимала, что Марш и Марси пригласили ее на обед, чтобы выразить свою благодарность. Однако их жест противоречил ее желанию оставить все в прошлом и жить дальше.

Эрика встала с кровати, открыла шкаф и оглядела свой скромный гардероб, большая часть которого годилась только для работы. Пробежав взглядом по аккуратно развешенным черным брюкам, свитерам и белым блузкам, она достала синее платье без рукавов, повернулась к зеркалу над туалетным столиком и приложила его к себе. Без обуви ее рост составлял метр восемьдесят три. Из зеркала на нее смотрела женщина с высокими скулами, большими карими глазами и короткими, мокрыми, торчащими во все стороны волосами.

– Ну и отощала я, – сказала она самой себе, расправляя платье на месте былых округлостей. – На такие кости никто бросаться не будет, да? – сказала она, переведя взгляд на фотографию своего погибшего мужа Марка. – Смерть мужа – лучшая диета.

Испугавшись собственного цинизма, она мысленно попросила у него прощения. Марк тоже работал в полиции. Он, Эрика и Марш сблизились во время совместных учений, а четыре года назад Марк погиб во время облавы на наркопритон. На фотографии, стоящей на комод, он был снят в гостиной их манчестерского дома, в котором они прожили пятнадцать лет. В луче солнца его коротко стриженные светлые волосы были похожи на золотой ореол.

– Не знаю, что сказать Маршу и Марси, – сказала Эрика, глядя на его красивое лицо. – Я хочу просто перевернуть страницу и двигаться дальше, не делая из мухи слона.

Марк лишь заразительно улыбался ей в ответ.

- Ерунда какая, да? Уже слишком поздно придумывать отмазку, чтобы не идти?

«Да, - словно говорил он. - Давай, Эрика, веди себя хорошо».

- Ты прав, нельзя сливаться. С Рождеством тебя! - Она приложила палец к губам и дотронулась до фотографии в рамке.

Эрика перешла в маленькую кухню, совмещенную с гостиной, где из мебели был только маленький диванчик, телевизор и полупустой книжный шкаф. На микроволновке стояла маленькая пластиковая елка. Много лет Эрика ставила ее на телевизор, но с приходом плоских экранов единственным местом, где ее вид не вызывал бы недоумения, осталась микроволновка. Эрика включила кофемашину и раздвинула занавески. Парковка и проезжая часть за ней были покрыты снегом, который под светом уличных фонарей казался оранжевым. На улице не было ни людей, ни машин. Словно во всем мире была одна она. Налетевший вдруг порыв ветра снял верхний слой снега и пронес его знакомым путем к образовавшемуся у стены парковки сугробу.

Когда Эрика наливала себе кофе, зазвонил домашний телефон. Она поспешила в коридор, надеясь, что случилось чудо и ей звонят сообщить об отмене обеда. Вместо этого она услышала голос Эдварда, отца Марка.

- Я тебя не разбудил, дорогая? - спросил он с милым йоркширским акцентом.

- Нет, я уже встала. С Рождеством!

- И тебя с Рождеством! Холодно у вас там в Лондоне?

- Снег выпал. Всего ничего, по щиколотки, не больше, но в новостях только о нем и говорят.

- А у нас здесь больше метра. А в Беркли еще больше.

Голос у него был какой-то слабый и напряженный.

- Ты там не мерзнешь?

– Нет, дорогая. У меня горит камин. Оставлю его на весь день – гулять так гулять. Жаль, мы с тобой не увидимся.

Эрика почувствовала укол совести.

– Я приеду после Нового года. У меня есть неиспользованный отпуск.

– Надеюсь, сегодня ты не на работе?

– Нет. Сегодня я приглашена на обед к Полу Маршу. Будет вся его семья... После всего, что с ними случилось, я просто не могла отказаться.

– А кто это, милая?

– Пол. Пол Марш...

Повисла тишина.

– А, ну да, конечно. Тот молодой человек по имени Пол. Ему в итоге удалось продать свой «Форд»?

– В смысле?

– Вряд ли, правда, ему кто-то даст много за эту ржавую посудину. Ее же рукой можно проткнуть.

– Эдвард, ты сейчас о чем?

У Марша и правда был «Форд», но это было много лет назад, в начале девяностых.

– Ой, это я что-то не то говорю. Плохо спал. Как у них дела после всего, что произошло?

Эрика не знала, что сказать. Она теребила в руках телефонный провод. Эдварду было почти восемьдесят, но он всегда отличался острым умом и адекватным

восприятием реальности.

– Еще мало времени прошло. Я их видела только...

По ту сторону провода послышался свист чайника.

– Передавай им привет от меня, хорошо?

– Конечно.

– Пойду, дорогая. Мне нужно выпить чашку кофе с утра и проснуться. И открыть подарки. Береги себя, с Рождеством!

– Эдвард, ты уверен, что ты в порядке? – спросила она, но он уже повесил трубку.

Помедитировав на телефон еще несколько секунд, Эрика пошла к окну. Стоящий напротив величественный и красивый особняк в викторианском стиле, как и остальные дома на ее улице, был превращен в многоквартирный дом. В некоторых окнах горел свет, и в одном из них Эрика увидела, как родители с двумя маленькими детьми открывают подарки, собравшись вокруг большой наряженной елки. По улице шла женщина в пуховике. Она тащила за собой маленькую черную собачку, пряча голову от летящего в лицо снега. Эрика вернулась к телефону, взяла в руки трубку, но снова ее положила.

* * *

Около одиннадцати она собралась и вышла из дома. Валил снег, и из-за закрытых магазинов складывалось ощущение, что все спят. Только несколько детей играли в снежки.

У магазинов на станции Крофтон-парк движение автомобилей замедлилось, а затем и вовсе замерло. Впереди мигала полицейская сирена. Эрика взбодрилась – сирена настраивала на рабочий лад. Машины ползли невероятно медленно. За зданием местной школы дорога налево была перегорожена двумя патрульными автомобилями и заградительной лентой. Рядом стоял констебль Джон Макгорри и что-то говорил двум другим сотрудникам. Поравнявшись с ними, Эрика

посигналила, и они обернулись.

- Что случилось? - прокричала она, опустив стекло.

Внутри сразу полетели снежинки, но ей было все равно. Макгорри, молодой брюнет с небрежно спадающей на лоб челкой, поднял ворот длинного черного пальто и быстрым шагом пошел к ней. У него была гладкая бледная кожа, но щеки горели румянцем. Подойдя к машине, он убрал со лба мешавшую челку.

- С Рождеством, босс. Едешь праздновать? - спросил он, заметив макияж и серьги.

- На обед... А что случилось?

- Зарезали молодую женщину, прямо перед дверью ее дома. Убийца оторвался на ней по полной. Все залито кровью, - сказал он, качая головой.

Машина перед Эрикой тронулась, и Макгорри сделал шаг назад, ожидая, что и она сейчас уедет.

- Желаю хорошо провести время! Я и сам надеялся сдать смену к этому времени. Завтра дежуришь?

- А кто дежурный следователь сегодня? - вместо ответа спросила Эрика.

- Питер Фарли, но он уехал в Кэтфорд, там тройное убийство. Даже в Рождество нельзя обойтись без убийств.

Машина спереди уже отъехала на значительное расстояние, и ожидающий позади Эрики минивэн начал сигналить. Для нее место жестокого убийства было намного более приятным местом, чем праздничный стол у Марша. Минивэн снова засигналил, и Эрика заехала на тротуар, чуть не сбив Макгорри. Взяв удостоверение и пальто, она вышла из машины.

- Покажи мне место преступления.

Глава 3

У кордона Эрика предъявила удостоверение, и они с Макгорри пошли по улице мимо обветшалых домов, жители которых, разной степени одетости, стояли у дверей и смотрели в сторону заградительной ленты в конце улицы. А кто-то подтянулся ко второму кордону, у которого сновали полицейские.

Эрика с трудом поспевала за Макгорри – туфли на каблуках, которые она надела на праздничный обед, скользили по льду. В более теплое время года она бы просто сняла их и пошла босиком.

– Худшего дня для перекрытия улицы не придумать. Нам приходится разворачивать людей, приезжающих в гости к родственникам, – сказал Макгорри.

Обернувшись, он увидел, что Эрика цепляется за ближайший забор и передвигается с крайней осторожностью.

– Что? – переспросила она, поймав его взгляд.

– Ничего. Ты на каблуках.

– Какая редкая наблюдательность, следователь!

– Я хочу сказать – прекрасно выглядишь. Очень... красиво.

Эрика нахмурилась и двинулась дальше, но поскользнулась. Макгорри еле успел ее подхватить.

– Не хочешь взять меня под руку? Осталось немного.

– Не хочу, но так, наверное, будет быстрее. Не хотелось бы растянуться прямо перед всем народом.

Она взяла его под руку, и они медленно двинулись дальше.

- А я тоже один раз надевал каблуки, - признался Макгорри.

- Да?

- Пятнадцатисантиметровые шпильки. В Хендоне мы устраивали благотворительное рождественское представление. Я играл Леди Брэкнелл в пьесе «Как важно быть серьезным».

Несмотря на свое раздражение, Эрика улыбнулась. Невозможность передвигаться с нормальной скоростью сводила с ума.

- Шпильки? А разве Леди Брэкнелл - не степенная чопорная дама викторианской эпохи?

- У меня 46-й размер обуви, - сказал он, показывая на свои огромные ступни. - На него получилось найти только одну пару туфель.

- И сколько денег вы собрали?

- Четыреста семьдесят три с половиной фунта.

- Тогда изобрази мне Леди Брэкнелл.

- Сумочку? - спросил он, подражая надтреснутому голосу пожилой аристократичной леди.

Эрика покачала головой и улыбнулась.

- Все-таки хорошо, что ты не бросил основную работу.

Второй кордон стоял перед домом в самом конце улицы. Когда они подошли, Эрика отпустила руку Макгорри. Палисадник заслоняла низкая стена и высокий, покрытый снегом забор. Перед домом работали криминалисты в синих защитных комбинезонах. Сотрудница у кордона внимательно посмотрела на удостоверение Эрики.

- Уже вызвали дежурного инспектора. Он задерживается из-за тройного убийства в Кет...

- Но его здесь нет, а я - есть, - перебила ее Эрика.

Та кивнула и подняла пластиковую ленту. Они подошли к фургону криминалистов. Строгая женщина средних лет, с сережкой в носу и коротким седым ежиком на голове, выдала им по комбинезону. Они сняли пальто и оставили их на крыше фургона.

- Ну и дубак, - сказал Макгорри, быстро натягивая защитный комплект на тонкий костюм.

- Ночью было до минус двенадцати, - включилась в разговор сотрудница.

Эрика одной рукой оперлась о фургон, встала на одну ногу и стала натягивать на себя комбинезон. Острый каблук на левой ноге прорвал синтетический материал вдоль икры.

- Черт!

- Давайте мне этот, держите новый, - сказала коллега, подавая ей другой комплект. Эрика надела его, но произошло то же самое. - Нужно без каблуков было приходиться, особенно в такой день.

Эрика метнула на нее красноречивый взгляд. Макгорри отошел в сторону. С третьего раза ей удалось справиться с каблуками, она натянула комбинезон, застегнула его, и они вместе с Макгорри подняли капюшоны. Затем им пришлось надеть бахилы, что тоже составило для Эрики определенную сложность. Наконец они подошли к калитке и вошли в крошечный, забитый людьми палисадник.

На маленьком клочке земли вместе с двумя ассистентами работал судмедэксперт Айзек Стронг - высокий худой мужчина за сорок. Из-под его капюшона виднелась линия темных волос с глубокими залысинами на лбу. Тонкие длинные брови придавали его лицу недоуменное выражение.

Прямо под эркерным окном на спине лежала окровавленная молодая женщина в распахнутом длинном пальто. На морозе лужа вытекшей из ее перерезанного горла крови застыла и напоминала красный сорбет. Кровью было пропитано и тонкое зеленое платье без бретелей, в разрезе которого была видна левая нога в черном чулке и подвязке. Замерзшие кровавые брызги покрывали и эркерное окно, и откос под ним.

- Доброе утро. С Рождеством, - поздоровался Айзек, качая головой.

Его неловкое приветствие повисло в воздухе. Эрика посмотрела на лицо девушки. Оно было сковано - не только морозом, но и страхом. Рот был открыт, обнажая сломанный почти под корень передний зуб. Синие глаза, несмотря на помутневший взгляд, были ослепительно красивы даже после смерти.

- Личность уже установлена? - спросила Эрика.

- Двадцатидвухлетняя Марисса Льюис, - ответил Айзек.

- По документам?

- Тело нашла утром ее собственная мать. В кошельке были права.

Эрика села на корточки и присмотрелась. Квадратный клатч с инициалами M.L. валялся под снегом у забора, рядом с черной туфлей на высоком каблуке. На обоих объектах была нанесена цифровая маркировка.

- Кто-то трогал тело?

- Нет, - ответил Макгорри. - Я первым прибыл на место вместе с полицейскими. Мать сказала, что и она ничего не трогала.

- Время смерти установлено?

- Из-за сильных заморозков это затруднительно, - ответил Айзек. - Горло перерезано очень острым лезвием. Порезы глубокие, повреждены сонные артерии с обеих сторон, что привело к быстрой кровопотере. Смерть наступила в считанные мгновения. Указательный палец на правой руке отрублен

практически полностью, также есть порезы на большом и среднем пальцах, на самих руках, что позволяет предположить, что она пыталась защищаться.

- Из палисадника можно выйти или за калитку, или в дом, - добавил Макгорри.

Эрика увидела замерзшие брызги крови и на выцветшей голубой входной двери.

- Это ее ключи? - спросила она, заметив связку с брелоком в виде сердца.

- Да, - подтвердил Макгорри.

Эрика закрыла глаза и представила, каково это - оказаться лицом к лицу с вооруженным ножом маньяком в этом маленьком пространстве. Открыв глаза, она снова начала вглядываться в лицо Мариссы.

- У нее сломан нос.

- Да. И левая скула. Передний зуб нашли у опорного столба калитки, - сообщил Айзек.

Эрика и Макгорри посмотрели на него и увидели посередине цифровую отметку. На кирпичной кладке лежал снег. Рядом стоял мусорный бак на колесах и коробка для стекла, переполненная пустыми бутылками из-под водки. Эрика повернулась и посмотрела на дом. Занавески были задернуты, свет не горел.

- А где мать?

- У соседей, - ответил Макгорри, указывая на дом через дорогу.

- А мы уверены, что жертва жила здесь? Она не в гости к матери приехала?

- Это нужно проверить.

- Поднять тело будет непросто, - сказал ассистент Айзека, закончив вычищать снег из-под забрызганных кровью ног.

- Почему? - спросила Эрика.

Ассистент был невысокого роста, с большими ярко-карими глазами. На Эрику он смотрел снизу вверх.

- Вся эта кровь, - показал он на лужу замерзшей крови под телом, - намертво приморозила ее к земле.

Глава 4

Айзек и Эрика пошли к калитке. Он поднял голову на серое, низко висящее облако.

- Мне нужно ее убрать отсюда до того, как изменится погода. По прогнозам, грядет новый снегопад, - сказал он.

Эрика снова повернулась и посмотрела на тело. Ассистенты Айзека осторожно выкапывали его из замерзшей окровавленной земли. Эрика ощутила хорошо знакомую смесь ужаса и предвкушения, которая всегда посещала ее на месте преступления. В ее жизни многое не поддавалось контролю, но в ее силах было выследить того, кто это сделал. И она выследит.

- Как думаешь, когда получится сделать вскрытие?

Айзек надул щеки и выдул воздух.

- Не раньше чем через несколько дней. Извини. У меня запарка. В это время года обычно бывает много подозрительных смертей. Кстати, я говорил тебе? Меня перевели. Я теперь работаю в морге при больнице района Льюишем.

- А это еще почему?

- Потому что морг в Пендже продали застройщикам. Несколько недель назад появился большой рекламный баннер с названием жилого комплекса

«Апартаменты Парксайт». И мы выехали на той неделе. Еще и из-за этого много задержек.

– Название что надо, – заметила Эрика, поднимая бровь. Айзек отзеркалил ее мимику.

– А, и вот еще что, – сказал он. – Брызги крови. Убийца неизбежно был весь в крови, и у него в руках было оружие. Но за воротами нет ни одной капли крови.

– Думаешь, он вытер нож? Или припарковался у самых ворот?

– Это вопрос к тебе. Дам знать, как будут готовы результаты вскрытия.

И он вернулся в палисадник.

Эрика и Макгорри сняли комбинезоны, сдали их и вышли за ограждение. Было так холодно, что они сразу же оделись и застегнули пальто. Как раз в это время подъехал большой сервисный грузовик и попытался припарковаться. Одна из полицейских машин стала выезжать, чтобы освободить ему место, но застряла в снегу. Колеса проворачивались и визжали, но автомобиль не двигался с места.

– Значит, можно предположить, что у убийцы была машина, – начала рассуждать Эрика. – Совершив преступление, он сел в нее и уехал. Но куда?

Эрика бросила взгляд направо и налево. Дом, у которого произошло убийство, замыкал единый блок домов со смежными стенами. В сторону от него, перпендикулярно улице, уходил переулок. Через дорогу в ряд располагались задние двory домов, стоявших на Хаусон-роуд, параллельной Конистон-роуд.

– Нужно как можно скорее сделать обход. Сегодня Рождество, люди должны быть дома. Мы должны выяснить, видел ли кто-нибудь что-нибудь, а также получить информацию о возможных подозреваемых: это люди, склонные к домашнему насилию, с судимостями или имеющие условный срок.

Двое полицейских подошли и начали толкать застрявшую машину. Двигатель взревел, колеса закрутились.

– В конце соседней улицы – наземный переход над железной дорогой. Он ведет к домам Фитцуильям-эстейт, – заметил Макгорри.

Эрика кивнула.

– Его тоже стоит включить в обход, но там нужно действовать с осторожностью.

Она знала, что в Фитцуильям-эстейт, как и в других многоэтажных домах в бедных районах, было небезопасно. Эрика посмотрела вдоль переулков, тянувшихся поперек ленточной застройки.

– Нужно проверить, выходят ли на эти переулки чьи-нибудь задние дворы.

Патрульную машину наконец вызволили из снежного плена, и они отступили в сторону, пропуская ее. Она повернула направо в конце улицы и припарковалась около школы. Сервисный фургон встал на освободившееся место и заглушил двигатель. В установившейся вдруг тишине послышался щелчок затвора фотоаппарата. Эрика повернулась к Макгорри.

– Ты слышал?

Он кивнул. Они подняли головы на ближайšie окна, но нигде никого не было. Вдруг за спиной послышался шорох. Эрика повернулась и посмотрела на крону высокого дуба, стоящего у забора на противоположной стороне улицы. По его веткам карабкался вниз молодой человек, по виду чуть старше двадцати. Ступив на металлические перекладины забора, он спрыгнул в переулок. У него были длинные светлые волосы, и выглядел он довольно неряшливо. На его шее на ремне висел фотоаппарат с телеобъективом. Посмотрев на Эрику и Макгорри, он кинулся в заснеженный переулок.

– Эй! Стой! – закричала Эрика.

Макгорри побежал по переулку вдогонку за парнем в длинном развевающемся пальто, Эрика – следом. Беглец запрыгнул на крышку мусорного бака и перескочил через высокую стену, за которой возвышались деревья. Несколько секунд спустя к баку подбежал Макгорри, задрал пальто и неуклюже запрыгнул на него. Когда он ухватился за заснеженную хвойную ветку и забрался на

выступ стены, до него доковыляла и Эрика.

– Что там? – спросила она, но он уже спрыгнул с другой стороны, а приземлившись, выругался.

Ветви деревьев над стеной качнулись, сбросив с себя снег, и замерли. Послышалась новая порция ругательств, и Эрика инстинктивно потянулась к карману за рацией, но ее там не было. Она посмотрела в сторону улицы, где произошло убийство, но до нее было слишком далеко.

– Черт, вдруг он что-то сломал, – пробормотала она, с ужасом подумав о том количестве бумаг, которые придется оформлять в этом случае.

Отбросив эту некрасивую мысль, она сняла туфли, засунула их в карман, подобрала пальто и стала забираться на крышку бака. Под тяжестью ее веса крышка треснула и прогнулась. Эрика уперлась ногой в стену и для равновесия ухватилась за ветку ближайшего дерева. Тут же ей на голову упала шапка снега. По другую сторону стены уровень земли был выше, и Эрика мягко спрыгнула на подложку из земли и листьев, прямо за которой стоял плотный ряд деревьев. Надев туфли, она прошла в большой заснеженный сад, следуя двум рядам следов на снегу. В саду было два больших сарая, теплица и длинный парник. Высокие стены обеспечивали надежную защиту от уличного шума.

Макгорри медленно продвигался к сараям. Он повернулся к Эрике и приставил палец к губам, показывая на второй из них, стоящий ближе к дому. Она кивнула. Дом был большой и явно видал лучшие времена. Краска у окон слезала, а сами окна с подъемным механизмом были покрыты копотью. Высокие ворота в углу загораживали переполненные мусорные баки. У задней двери было маленькое крыльцо с крышей и ступеньками, заставленными горшками с растениями.

Когда Эрика приблизилась к Макгорри, из дома донесся какофонический бой множества часов. Парень вышел из-за сарая и побежал назад к стене. Макгорри был быстрее и сбил его, повалив на землю. Эрика побежала к ним, но потеряла туфлю и упала в снег.

– Успокойся! – сказал Макгорри отбивающемуся изо всех сил худосочному блондину, когда один из ударов пришелся ему по лицу.

– Пусти меня! – закричал он.

У него было узкое лицо, широко посаженные яркие голубые глаза. Эрика встала, оставив в снегу туфлю. Макгорри барахтался в снегу, с трудом сдерживая парня, который продолжал размахивать руками и бороться. Наконец он вырвался и уложил Макгорри лицом вниз. Макгорри начал махать руками. У него получилось схватиться за камеру и, ухватившись за ремень, затянуть его на шее парня. Тот отпустил голову Макгорри и схватился за душивший его ремень.

– Назад! – закричал кто-то сзади. – Отпустите его!

На крыльце с ружьем в руках стояла полная пожилая женщина в оранжевом домашнем комбинезоне, со спадающими на плечи седыми волосами. На носу у нее были большие очки с толстыми линзами, которые увеличивали глаза, словно лупа. Женщина навела на них ружье и пошла вперед.

Эрика подняла руки. В глазах у пожилой женщины было что-то нездоровое, и инстинкты подсказывали Эрике, что они имеют дело с красным уровнем опасности. Макгорри кашлянул и выплюнул изо рта снег, не ослабляя хватки ремня. Парень судорожно хватался за горло.

– Джон, отпусти его! – закричала Эрика.

Макгорри отпустил ремень, и парень завалился на снег, откашливаясь.

– Я – старший инспектор Эрика Фостер из лондонской полиции, а мой коллега – инспектор Джон Макгорри. Мы предъявим удостоверения, но вы должны опустить ружье. Прямо сейчас.

Женщина смятенно переводила взгляд с Эрики на Макгорри, но ружья не опускала.

– Это мой сын, вообще-то! И моя территория!

– Мы из полиции, а ваш сын находился на чужой территории и фотографировал место преступления, – сказала Эрика, пытаясь понять, на что способна эта женщина.

– Джозеф! Отойди от них! – закричала она, продолжая держать их на прицеле.

Джозеф, весь в снегу, кашляя и шатаясь, подошел к ней.

– Элспет! – слышалось сзади.

Из задней двери вышел пожилой мужчина, похожий на эксцентричного профессора. На нем был длинный голубой плащ-накидка и выдававшая виды шапочка с блестками. На лбу на ремне держалась лупа, похожая на огромный вытарщенный глаз.

– Элспет, ну-ка быстро опусти ружье!

– Мы из полиции и можем предъявить удостоверения, – сказала Эрика.

Сердце у нее колотилось все быстрее. Как это глупо – вляпаться в такую историю! Еще и босиком! Отмороженные ноги уже потеряли чувствительность. Мужчина осторожно забрал у Элспет ружье и открыл ствол.

– Он не заряжен, – сказал он, уверенным егерским движением перекидывая его через плечо. – И у нас есть на него разрешение.

– Мальчик мой! Мальчик мой! – запричитала Элспет, сгребая Джозефа в охапку.

Она стала ощупывать его, проверяя, все ли в порядке с шеей.

– Они тебя поранили? Ты в порядке? – спрашивала она, заглядывая ему в глаза.

Джозеф, казалось, был сбит с толку и все не мог прийти в себя.

– Почему у вас допускается такое свободное обращение с ружьем? – спросила Эрика.

Макгорри, пытаясь отдышаться, встал на колени и сплевывал снег.

– Прошу пройти в дом. Там можно будет обсохнуть и во всем разобраться, – ответил мужчина.

Глава 5

Стоя на крыльце, Эрика и Макгорри отряхнули снег с одежды и ног, а затем прошли в теплую, уютную кухню. Элспет не отходила от Джозефа ни на шаг, словно он был маленьким ребенком. Она подвела его к стулу у длинного деревянного стола. Макгорри встал рядом с жарким камином в углу. Кухня была оформлена в деревенском стиле: снизу – закрытые шкафы, сверху – открытые полки. Из зеленой духовки доносился ароматный запах индейки.

– У него уже сыпь начинается! – вскричала Элспет, наклонив голову Джозефа.

Не выпуская фотоаппарат из рук, он злобно смотрел на Эрику и Макгорри.

– Присаживайтесь, – предложил мужчина, отодвигая стулья.

– Покажите сертификат на оружие, – сказала Эрика, не обращая внимания на стул.

– Конечно, – с готовностью проговорил он, поставив ружье у камина и выдвигая кухонный шкаф.

– С ружьем все по закону, – повторила Элспет.

Она сняла с Джозефа мокрое пальто и набросила ему на плечи полотенце. Эрика заметила, что он не выпустил из рук фотоаппарат, даже когда мать снимала с него пальто.

– Как вас зовут?

– Моя фамилия Питкин. Зовут меня Дэвид, а это – Элспет и Джозеф. Я так понимаю, вы не должны были сегодня дежурить? – спросил он, перестав шарить

в шкафу, и указал на промокшие и потерявшие форму туфли Эрики.

- Нет.

- Ехали куда-то отметить Рождество?

Эрика только в этот момент поняла, что так и не предупредила Марша, что не приедет на обед. Она проигнорировала вопрос и задвинула эту мысль на задворки сознания.

- Где вы работаете?

- Я часовщик, - ответил Дэвид, стуча по налобной лупе. - Чиню часы - настенные и наручные. Если честно, это, скорее, хобби, которым я стал заниматься после того, как покинул коллегия адвокатов. А, ну вот, нашел, - добавил он, вытаскивая согнутый лист бумаги.

- Вы работали адвокатом? - спросила Эрика с упавшим сердцем.

- Да, тридцать лет.

Эрика взяла лицензию и начала ее проверять.

- Это ружье Элспет. У меня есть свое. Мы любим стрелять. На уровне хобби, разумеется.

- Здесь все в порядке, - заключила Эрика, возвращая ему документ. - Но если стрельба - хобби, почему ружье так легкодоступно?

Элспет оторвалась от созерцания шеи Джозефа.

- Я храню его в кабинете в закрытом шкафу! Я увидела вас в саду, как вы там крались. А у нас район уже не тот, что раньше. Когда-то он был безопасным, а сейчас чуть ли не каждый день в дома влезают, наркоманы шляются. Посмотрите, что вы с ним сделали! У него будет огромный синяк!

– Также хочу напомнить вам, старший инспектор Фостер, о том, что в Британии действует закон, разрешающий применение разумной силы в рамках самозащиты, – заметил Дэвид.

– И она часто вот так размахивает двустволкой посреди дня, если кого-то видит в саду? С моей точки зрения, это перебор, – ответила Эрика.

– Знаете что, я не потерплю, чтобы в моем собственном доме про меня в моем присутствии говорили «она»! – выпалила Элспет. – Я собиралась угостить вас кофе и ореховым тортом в знак того, что больше не держу на вас зла, но теперь, после такого, даже не подумаю.

Макгорри отвернулся, пряча смех, но Эрике было совсем не до смеха. Больше всего ей сейчас хотелось забрать фотоаппарат, в который вцепился Джозеф, и вернуться на место преступления.

– Обычно суды соглашаются с тем, что наличие угрозы в доме или на прилегающей территории квалифицируется как небезопасная ситуация, – заметил Дэвид. – Суть закона в том, что у человека должно быть право защищать себя, свою собственность и тех, за кого он несет ответственность.

– Жизнь вашей жены и сына ни одной минуты не была в опасности, – перебил его Макгорри.

– Да? А вас как зовут, молодой человек?

– Джон Макгорри, констебль.

– Констебль Макгорри, а почему вы применили удушающий захват к моему сыну? Это было явно вне рамок закона.

– Я не...

– Пожалуйста, не врите. Вы ремнем от фотоаппарата пытались сдавить ему шею. Это противозаконный прием, к кому бы он ни применялся. В былые времена полицейских обучали удушающему захвату, но я бы не сказал, что вы настолько взрослый и опытный, чтобы...

– Я просто... – краснея от раздражения оправдывался Макгорри, но Эрика взглядом заставила его замолчать.

– И ваш руководитель тоже должна это знать, – добавил Дэвид.

– Я это знаю, – подтвердила Эрика. – Также информирую вас, что, прибегнув к удушающей хватке, полицейский, в зависимости от обстоятельств, представляет обоснование применения силы. В связи с тем, что ваш сын пытался задушить моего сотрудника, уткнув его лицом в снег, самозащита в форме удушающей хватки может считаться разумной или даже необходимой. Зайдите на сайт полиции Западной Мерсии, там это совсем недавно было подробно описано в акте о свободе информации.

Дэвид не смог скрыть своего раздражения.

– Все равно это никак не объясняет, по какой причине вы преследовали моего сына.

– Ваш сын зашел на огороженное место преступления.

– Что не является уголовным преступлением.

– Он фотографировал место преступления.

– И это тоже не запрещено законом.

Эрика еле заметно улыбнулась.

– Он сбежал от сотрудника полиции.

– Да. И именно поэтому мы сейчас все здесь, и он окажет вам содействие в разумных рамках.

– В фотоаппарате вашего сына может содержаться информация, полезная для расследования, – сказала Эрика.

Она уже жалела, что погналась за мальчишкой и теперь вынуждена оправдываться перед этим отставным адвокатом, которому только и надо, что переспорить ее.

- Где находится место преступления? - спросил Дэвид.

- Я не могу ответить на этот вопрос.

- На Конистон-роуд было обнаружено тело, - включился Джозеф.

У него был тихий, хорошо поставленный голос и чуть ли не аристократическое произношение.

- Ты обнаружил тело? - переспросила Элспет, не переставая вытирать мокрые волосы сына полотенцем.

- Да нет же, мама. Полиция обнаружила тело.

- Нам запрещено раскрывать подробности текущего расследования, - объяснил Макгорри.

- Вы считаете, что это убийство? - спросил Дэвид.

- Убийство? - эхом повторила Элспет.

- Марисса Льюис. Кто-то ее зарезал прямо на крыльце, - сказал Джозеф.

- Это все домыслы, - начала было Эрика.

- Нет. Я был на месте, когда обнаружили тело, - сказал Джозеф, невольно прижимая к себе фотоаппарат.

- Вы вызвали полицию? - спросила Эрика.

- У меня с собой не было телефона.

- Но вы сфотографировали место преступления до прибытия полиции?

- Тебе необязательно отвечать на этот вопрос, Джозеф. Мы купили ему новый объектив на Рождество, - ответил Дэвид.

- Из всего нашего района только с Мариссой Льюис и могло случиться что-то подобное, - сказала Элспет, качая головой.

- Это все тоже домыслы, - сказал Дэвид. - Но ведь в них нет ничего противозаконного?

Он говорил с подчеркнутым спокойствием, и Эрика глубоко вздохнула.

- Конечно, нет, но могла бы она - вы - объяснить?

Элспет накинула полотенце на спинку свободного стула, перекрестилась и повернулась к Эрике.

- У Мариссы Льюис своеобразная репутация. Вернее, была. Если вы понимаете, о чем я. Репутация распутной девушки. Она работала стриптизершей.

- Вы видели ее за работой? - поинтересовался Макгорри.

- Конечно же, нет. Никто не видел.

Она многозначительно взглянула на Дэвида и Джозефа, и они покачали головами и потупились.

- Мне рассказала мой парикмахер.

Эрика присмотрелась к распущенным грязным седым волосам, рассыпанным по плечам Элспет, и задумалась, что же именно делала с ними парикмахер.

- А кто ваша парикмахер?

– Лучшая подруга Мариссы Льюис – Шэрон-Луиз Брайтуайт. Работает в салоне «Золотые локоны» около станции Крофтон-парк. Марисса как-то попросила ее разместить в салоне афишу с рекламой ее... выступления. Так вот, из одежды на ней были только чулки, подвязки и лифчик! – Элспет мотнула головой от возмущения. – А также Шэрон говорила мне, что у Мариссы был роман с женатым мужчиной с ее улицы. И еще у нее были другие парни параллельно.

– А как зовут этого женатого мужчину?

– Дон Уолпол. Джанет – его жена. Несмотря на это все, они по-прежнему вместе.

Эрика снова повернулась к Джозефу.

– Значит, сегодня спозаранку вы сидели на дереве напротив дома Мариссы Льюис и делали фотографии? Что именно вы снимали?

– Восход, – ответил он с фальшивой улыбкой.

– Значит, вы залезли на дерево, чтобы сфотографировать восход, но решили не слезать, когда увидели, что в близлежащем саду лежит труп и дорога огорожена полицией?

– Я увидел тело, когда услышал крик матери Мариссы.

– Во сколько это было?

– Не знаю.

– Мы открыли подарки без десяти семь, – сказал Дэвид. – Позавтракали, и около 7:20 Джозеф ушел. Восход сегодня был в 8:05.

– Сразу после рассвета мать Мариссы вышла из дома, – сказал Джозеф. – А часов я не ношу.

– Вы не знаете, почему мать Мариссы подошла к двери?

- Нет.

- Скорее всего, она пошла выкинуть пустые бутылки. Она пьет, - добавила Элспет. - Это не самая благополучная улица.

- Последние дни шел снег, и было облачно. Как вы собирались рассмотреть восход? - спросил Макгорри.

- Если бы все фотографы мыслили так, они бы ни одной фотографии не сделали, - ответил Джозеф.

- Вы профессиональный фотограф?

- Слово «профессиональный» здесь лишнее. Вот вы - профессиональный полицейский? Вы действовали как профессионал, когда чуть не задушили меня?

- Слушай, ты, маленький му... - двинулся на него Макгорри. Эрика предупреждающе подняла руку.

- Джозеф, хватит тратить время, ответьте на наши вопросы.

- Он не обязан отвечать на ваши вопросы! - громко сказала Элспет.

- Молодая женщина подверглась жестокому нападению и убийству на собственном крыльце. Сейчас она могла бы быть в кругу семьи, а не лежать на снегу с вскрытым горлом. У нее сломаны скулы, возможно, ее изнасиловали, - заговорила Эрика. - Джозеф не обязан отвечать на мои вопросы, но он может владеть информацией, которая поможет в расследовании.

Джозеф впервые смутился и заерзал на стуле.

- Ну ладно, я и правда какое-то время смотрел на все это, но потом очень быстро приехала полиция. Они перекрыли дорогу. Я не знал, что делать. Когда я залезал на дерево, оно не стояло на месте преступления. А когда слезал, уже стояло.

- Вы сделали фотографии тела?

- Нет.

- Можно взглянуть на фотографии из вашего аппарата?

- Нет. Это пленочная камера, - ответил он, демонстрируя аппарат.

Эрика подошла и убедилась, что это винтажная модель без цифрового монитора. Она хотела взять ее в руки, но Джозеф быстро перевернул ее, открыл крышку и достал ролик с пленкой. Затем он вытащил негатив и бросил его на стол.

- Все. Больше никаких фотографий нет. Все засвечено.

Эрика пристально посмотрела на него. У него было необычное лицо, в котором сочетались хрупкость и жесткость одновременно. Джозеф вызывающе смотрел на нее.

- Я считаю, мы помогли вам всем, чем смогли, - сказал Дэвид. - Если это все, мы бы хотели продолжить праздновать Рождество.

* * *

Эрика и Макгорри вышли через парадную дверь. Снег закончился, и на улице вновь начали сновать машины. Выйдя на тротуар, они оглянулись и еще раз посмотрели на дом Питкинов. Осыпающийся и оседающий, он казался инородным элементом, вклинившимся в стройный и красивый жилой блок.

- Будто с неба упал, - сказал Макгорри.

Эрика засунула руки в карманы и вся сжалась от холода. Они зашагали к Конистон-роуд.

- Придется обо всем этом отчитаться, - сказала она.

- И об удушающей хватке?

- Они не сказали, что будут жаловаться, но это не значит, что не будут. Какой же ты идиот, Джон. Вот какого черта тебе понадобилось заходить так далеко?

- Он распускал руки, я пытался... утихомирить его, остановить его удары. Чисто инстинктивно. К тому же, как ты и сказала, в соответствии с документом о свободе информации, я могу оправдать этот захват.

- Все равно, он может пожаловаться, и это приведет к проблемам. Ты всегда должен контролировать ситуацию. Всегда должен просчитывать последствия собственных действий.

- Это невозможно.

- Конечно, черт возьми, это невозможно, но именно это и подразумевает служба в полиции. Нельзя допускать необоснованного применения силы.

- Извини, - сказал Макгорри, краснея.

- Ладно. В такое уж мы время живем, Джон. Все на все обижаются, и ты всегда оказываешься виноват. Будь умнее. Думай головой. Я постараюсь в отчете не касаться этого аспекта.

Они шли по переулку вдоль высокой стены сада семьи Питкин. Тут Эрика заметила что-то за мусорным баком и остановилась.

- Что? - спросил Макгорри.

Она села на корточки и, достав из кармана прозрачный пакет для улик, подняла с земли маленький черный пластиковый контейнер цилиндрической формы. Встав и посмотрев на него, она положила его в пакет и умудрилась снять с него крышку через пластик.

- Пленка для фотоаппарата, - сказала она, улыбнувшись Макгорри.

- Отснятая?

– Надеюсь. Я успела посмотреть на его камеру до того, как он вытащил оттуда пленку. Он сделал всего один кадр на той пленке.

– Думаешь, эту он полностью отснял на дереве и вставил новую? – воодушевленно спросил Макгорри.

– Будем знать точно, когда проявим пленку и снимем отпечатки с катушки.

Глава 6

Когда Эрика и Макгорри снова вернулись на Конистон-роуд, обход домов уже был в самом разгаре. Полицейские стучались в двери по обеим сторонам улицы и разговаривали с жильцами. Присутствие полиции резко контрастировало с Рождественской иллюминацией на окнах. Снова пошел снег, и, хоть и было всего три часа дня, начало темнеть.

Они зашли в сервисный фургон, и Эрика поручила Макгорри поскорее отправить катушку с пленкой криминалистам и затем на проявку. Сама Эрика снова вышла наружу. Тело Мариссы в маленьком черном мешке как раз вывозили на тележке через узкую калитку. Все оторвались от своих занятий и наблюдали за ее передвижением. Эрика удивилась, насколько маленьким было тело девушки. Когда его загрузили в фургон и захлопнули двери, Айзек на прощание кивнул Эрике. На нее вдруг накатила волна усталости и депрессии, но она заставила себя не погружаться в эти ощущения. Глубоко вздохнув, она почти с радостью приняла приветствие только что прибывшей коллеги с короткими светлыми волосами, в длинном голубом пуховике.

– Констебль Тания Хилл. Я буду закреплена за семьей жертвы, – представилась она, протягивая руку.

– Что вам уже известно об этом преступлении? – спросила Эрика.

– Я только видела тело молодой девушки. И огромное количество замерзшей крови, – ответила она, поднимая ворот пуховика. – Мать, судя по всему, нуждается в поддержке. Доход низкий, испытывает серьезные проблемы с

алкоголем.

- Она сейчас у соседки. Хорошо, что вы здесь. Я как раз хотела с ней поговорить.

Они перешли дорогу и оказались у красивого дома с новенькими пластиковыми окнами и забетонированным палисадником. Эрика нажала на кнопку звонка. Ей открыла миниатюрная женщина средних лет в бархатном красном спортивном костюме и блестящих тапочках. Короткая стрижка на белоснежных волосах не шла к испещренному морщинами лицу. В левой руке она держала сигарету.

Эрика предъявила удостоверение и представила себя и коллегу.

- Как вас зовут? - спросила она.

- А кто интересуется? - вызывающе спросила женщина глубоко прокуренным голосом.

- Я, - ответила Эрика.

- Меня зовут Джоан Филд.

- Могли бы мы зайти в дом?

Джоан отступила в сторону. Пол прихожей покрывал изысканный темно-синий ковер.

- Только без обуви, - не преминула заметить она.

- Можно ли обращаться к вам просто по имени? - спросила Тания.

- Нет, я бы предпочла «миссис Филд».

- Я - сотрудник по координации, - сказала Тания, ставя свою обувь возле лестницы. - Моя задача - обеспечивать поддержку семье, быть связующим звеном между Мэнди и сотрудниками из следственной группы.

Джоан оглядела ее с ног до головы.

- Быть связующим звеном? Это сейчас так называют снять трубку?

Таня оставила иронию без внимания.

- А где Мэнди?

- На кухне.

Она повела их мимо гостиной, где стоял массивный мебельный гарнитур, обитый красным бархатом, и маленькая серебряная елка. Никаких иных декоративных элементов или фотографий в комнате не было. Она выглядела нежилой. Кухня оказалась маленькой и выходила окнами на заснеженный сад. В ней было чисто, но тесно. Потолок и стены пожелтели от никотина, а в наполненной водой раковине плавала замороженная индейка в пластиковой упаковке.

Мэнди, мать Мариссы, была огромных размеров. Грязный розовый спортивный костюм еле вмещал ее пышные формы. Она сидела за столом, деревянный стул был слишком мал для ее ягодиц. Эрика скользнула взглядом по старым кроссовкам Мэнди - они были разрезаны посередине, чтобы вместить опухшие стопы. Она была очень бледной, с красными и влажными глазами.

- Мэнди Трент? - спросила Эрика.

- Марисса не из детдома. Она моя родная дочь, - сказала Мэнди, заметив ее удивление. - У нее фамилия отца, а я вернула себе свою, когда он свалил. Марисса унаследовала худобу от него, - с горечью проговорила она.

- Я так понимаю, вам обеим чай? - спросила Джоан, подходя к чайнику.

- Если можно, - сказала Эрика. Таня кивнула, и они сели на стулья.

- Мэнди, я буду вашим контактным лицом, - сказала Таня, положив руку ей на плечо. - Вам предстоит много трудных моментов, и я помогу вам, объясню, что будет происходить дальше.

Мэнди зажгла сигарету и выдохнула дым прямо в лицо Тании.

- А что будет происходить дальше? Потащите меня на опознание? Это она.

- Вы можете ответить на ряд вопросов? - спросила Эрика.

- Я нашла ее у входной двери, на улице, когда пошла выносить мусор утром. Она просто лежала там - тихо и неподвижно. Везде была кровь.

- Во сколько это было?

- Где-то в восемь.

- Марисса жила с вами? - спросила Эрика.

- Да. Она с шестнадцати лет платила мне за то, что я занимаюсь хозяйством.

- Вы знаете, где Марисса была вчера вечером?

- Она выступала. Не спрашивайте, где именно. У нее было много мест. Она танцевала бурлеск, работала по клубам по всему Вест-Энду. Несколько раз в неделю.

- А вчера вечером вы ничего не слышали? Не слышали, как она вернулась домой?

- Нет.

- Вы ждали ее дома к какому-нибудь часу?

Мэнди покачала головой.

- Я уже не пасу ее. Она взрослый человек.

- Во сколько вы легли вчера?

- Где-то в десять.

- Вы ничего не слышали?

- В смысле?

- Крики, звуки из палисадника. Может, машина проезжала.

- Нет.

- Ключ Мариссы был в скважине, когда вы ее нашли?

- Да. Я сказала об этом полиции.

- До десяти вечера вы были в гостиной?

- Да, телик смотрела, ерунду какую-то. Раньше под Рождество показывали стоящие вещи.

- Как давно Марисса работала танцовщицей? – спросила Тания.

- Три-четыре года. Дела у нее шли хорошо, ее всегда куда-то приглашали танцевать. Хотя зарабатывает она немного. Зарабатывала. Бывало, заплатит мне за хозяйство, а потом через три дня эти же деньги занимает у меня.

- Реквизит стоит целое состояние, – заметила Джоан, доставая из шкафа чашки. – Костюмы, в которых она танцевала. Перья, плюмаж. Мэнди даже переселилась в заднюю комнату, чтобы у Мариссы было больше места для хранения, да?

- Та комната к сортиру ближе, ну и я решила дать ей место для вещей, – объяснила Мэнди.

Ей словно не хотелось признавать, что она совершила добрый поступок. Эрика не могла понять, почему Мэнди так обыденно говорит о смерти Мариссы. Джоан принесла чай.

– У Мариссы были серьезные отношения с кем-нибудь? – спросила Эрика.

Мэнди выдула облако дыма и беззвучно усмехнулась.

– Все, кто были, почему-то надолго не задерживались, и ни до чего серьезного не доходило. Вокруг нее терлось много местных парней, плюс было несколько поклонников, которые приходили к ней на выступления, покупали подарки... – Эрика и Тания переглянулись. – Не хочу плохо говорить про умершего человека, но моя дочь была настоящей шалавой. Спала с двумя мужчинами с нашей улицы, оба женатые. И, помимо них, у нее были еще проходные парни. Это только те, про которых я знаю.

– А как зовут женатых? – спросила Эрика.

– Дон Уолпол, живет в доме 46 с женой. Марисса с ним спала несколько лет назад, когда ей было шестнадцать.

– По слухам, он с ней спал еще и до того, – вмешалась Джоан, со знанием дела кивая головой.

– Дон Уолпол – не растлитель малолетних, Джоан. Он просто сделал то, что сделал бы любой на его месте. Ему принесли все на блюде с голубой каемкой. Марисса рано созрела. В четырнадцать она уже выглядела на двадцать, – сказала Мэнди, зажигая следующую сигарету от догорающего окурка.

– А второго как зовут?

– Иван... как же его...

– Стовальски, – подсказала Джоан.

– Да. Поляк. У него немало денег на счету, и этим, я думаю, он ей и нравился. Уж точно не своим внешним видом. Вечно бледный и замученный какой-то. Несколько месяцев он около нее ошивался.

– Вы знаете, когда они виделись в последний раз?

- Нет, не знаю. Он звонил к нам в дверь пару недель назад, но в дом не заходил.

- Марисса, кроме танцев в клубах, еще где-то работала?

- Нет, - покачала головой Мэнди. - Несколько часов в неделю еще ухаживала за пожилой женщиной в Хилли-филдс, на противоположной стороне от станции.

- Как ее зовут?

- Эльза Фрятт, - ответила Джоан. - Ей девяносто семь. Аристократка, несмотря на имя Эльза. Живет в большом доме с видом на поле.

- Мариссе очень повезло с этой подработкой, - сказала Мэнди. - Она только и делала, что возила ее по магазинам. Та женщина внесла ее в страховку на свою машину. Так что она не то чтобы за ней ухаживала. Думаю, Эльзе просто нравилось общаться с Мариссой - так же, как женщине нравится некоторая грубость в мужчине. Мне кажется, ей было интересно с простыми людьми.

- А друзья у нее были? - поинтересовалась Эрика.

- Предполагаю, что большинство ее друзей умерли. Вы что, не расслышали? Ей девяносто семь.

- Нет, я про Мариссу спрашиваю.

Мэнди выдохнула дым и отхлебнула чаю.

- Девушки, с которыми она работает в бурлеск-шоу, - отборные суки. Так она говорила. Но у нее есть одна подруга еще со школы. Работает парикмахером, Шэрон-Луиз Брайтуайт.

- В салоне «Золотые локоны»?

- Да, там.

- А можно попросить вас составить список всех клубов, где работала Марисса?

Нижняя губа Мэнди затряслась, и она начала тереть глаза.

– Черт побери, да я мысли в кучу собрать не могу, какие списки... Еще все в прошедшем времени – жила, работала...

– Поговорим об этом позже, – сказала Тания, дотронувшись до руки Мэнди.

– Когда я смогу вернуться домой? – спросила она, одергивая руку.

– Сейчас в доме криминалисты. Они проверяют, нет ли там вещественных доказательств, которые могут помочь следствию. Мы сообщим, как только все будет закончено, – пообещала Эрика. – Если вы захотите, Тания найдет вам временное размещение.

– Нет, я останусь здесь, с Джоан, – ответила Мэнди.

Джоан кивнула, но было заметно, что она не в восторге от этой перспективы.

Глава 7

– Что думаете обо всем этом? – поднимая повыше ворот пальто, спросила Эрика, когда они с Танией вышли из дома Джоан.

– Горе все переживают по-своему.

Эрика поморщилась.

– Давайте оставим банальности. Вы видите убитых горем родственников изо дня в день. Но здесь явная враждебность.

– От обеих, да. Но, думаю, Джоан лишь идет на поводу у Мэнди. Это она задает тон, и у нее больше неприязни к дочери.

– Не всех жертв любят родственники.

- Думаете, мать стоит отнести к подозреваемым?

- Сейчас все подозреваемые. Надо сказать криминалистам, чтобы посмотрели на ее одежду и взяли соскобы из-под ногтей.

Эрика подозвала молодую сотрудницу в форме, и та взволнованно направилась к ним через дорогу.

- Как вас зовут?

- Кей Хорнби, мэм. Констебль Кей Хорни, - поправилась она.

- Найдите кого-нибудь из криминалистов и сложите в прозрачный пакет одежду матери жертвы, Мэнди Трент, и возьмите у нее соскобы из-под ногтей.

- Да, мэм. Ммм, у меня в машине есть кроссовки, - сказала она, посмотрев на туфли Эрики - насквозь промокшие и потерявшие всякий вид.

Эрика бросила взгляд на черные ботинки молодой сотрудницы.

- Какой у вас размер?

- Тридцать восьмой. Вы не думайте, они не потные и вонючие из спортзала. Я в них только машину вожу. Просто решила предложить, мэм.

Она, очевидно, переживала, что перешла черту.

- Спасибо. Буду очень благодарна, - сказала Эрика.

- Конечно, мэм. Сбегаю принесу.

У Эрики завибрировал телефон. Она достала его из кармана и двинулась вперед по улице.

- Ты где, черт возьми? Время почти четыре!

Это был Марш.

- Прости. Меня вызвали на место преступления. Девушку убили на крыльце на Конистон-роуд, у станции Крофтон-парк.

- Ты сегодня не дежуришь.

- Помогаю. Многие сегодня отпросились из-за Рождества.

- Я в курсе!

- Просто объясняю, почему я здесь.

- Я тебя ждал на обед.

- Я знаю, извини. Я не приду. У меня есть подарки для девочек, я их передам позже.

- Я еще раз говорю: я тебя ждал на обед.

- Это что, приказ?

- Нет. Просто хотел тебя видеть. Марси и девочки хотели тебя видеть.

Марш замолчал. Прислушиваясь к тишине, Эрика поняла, что он просто повесил трубку. Она вернула телефон в карман и, чтобы не погружаться в чувство вины, торопливо направилась к сервисному фургону, где ее ждала Кей, держа в руках бело-розовые беговые кроссовки.

- Спасибо.

- В них лежат носки.

Эрика сняла свои побитые туфли, и, опираясь на Кей, надела носки и кроссовки.

- Так гораздо лучше. Спасибо.

Из фургона вышел Макгорри. Он заметил Кей, улыбнулся и повел бровью.

- Верну их вам вечером, - пообещала Эрика.

- Не проблема. Носите сколько нужно, - сказала Кей и пошла к криминалистам, вежливо кивнув Макгорри.

- У тебя что, девушки нет? - спросила Эрика, заметив, как он провожает ее взглядом.

- Да есть, - несколько раздраженно ответил он.

- Знаешь, молодые сотрудницы не обязаны на тебя западать.

- Не понимаю, о чем ты.

Эрика закатила глаза.

- Ладно, давай работать.

* * *

У входа в дом дежурил сотрудник. Тело Мариссы убрали, и в палисаднике осталась только замерзшая лужа крови. Дорожку расчистили от снега и места, где была кровь, поместили желтыми цифрами.

В доме было грязно. Мебель была старая, пахло сыростью и чем-то жареным. В гостиной стояла маленькая елочка, кухня утопала в грязной посуде и грязи. Лестница вела вверх в мрачный проход с тремя дверями - в ванную и две комнаты. Эрика и Джон натянули перчатки. Окно ближайшей к лестнице спальни выходило на дорогу, где сейчас работала полиция. Комната была аккуратной и чистой: свежеевыкрашенные стены и потолок, новая мебель. На кровати лежало красивое покрывало с цветочным узором. Вдоль одной из стен стояло три манекена в костюмах из перьев. На одном был черный корсет. На полках вдоль противоположной стены лежали головы-манекены в париках. Туалетный столик у окна был завален косметикой. Перед встроенным шкафом в

ряд аккуратно стояли туфли на высоких каблуках самых разных цветов.

– Она что, маршмэллоу здесь жарила? – спросил Макгорри, подходя к маленькому камину.

Он взял в руки один из металлических прутьев с почерневшими концами, стоявших у решетки.

– Мне кажется, это факелы, с которыми выступают глотатели огня, – сказала, присмотревшись, Эрика.

На стене висело несколько фотографий в рамках. На первой Марисса в прозрачном розовом белье лежала в огромном бокале для шампанского. На второй она стояла в черных чулках, подвязках и с кисточками на сосках и держала у рта горящий прут. В последней рамке был рекламный постер. На нем Марисса лежала на шезлонге в серебряном корсете в окружении мускулистых мужчин в белье. На афише было написано:

НОЧЬ С МИСС ЖЕЛТЫЙ БРИЛЛИАНТ

14 ИЮЛЯ 2017

МУЖСКОЙ КЛУБ В БЕТНАЛ-ГРИН

– Видимо, это ее сценическое имя – Мисс Желтый Бриллиант, – сказал Макгорри.

Эрика заметила золотую вышивку в форме бриллианта на шнуровке черного корсета на втором манекене.

– Логотип в виде бриллианта здесь и на афише – один и тот же. И на других двух костюмах он тоже вышит, – отметила Эрика.

– Бриллиант для Мисс Желтый Бриллиант, – задумчиво сказал Макгорри, проводя пальцем по вышивке.

– Нужно узнать, это марка одежды или вышивка нанесена по заказу. Первое, что мы должны проверить – помимо телефона, – ее страницы в соцсетях.

– Криминалисты сказали, что в доме нет ни ноутбука, ни стационарного компьютера. Телефона тоже не было – ни в доме, ни при ней.

– Значит, телефон похищен.

Эрика подошла к шкафу и открыла его. Внутри нашлось еще два бюстгальтера для бурлеска с вышитыми на них бриллиантами. Была и повседневная одежда: джинсы, джемперы, несколько обычных платьев и пар обуви. На двери висели фотографии Диты фон Тиз, танцующей бурлеск и лежащей в гигантском стакане для мартини.

Они вышли из комнаты и двинулись дальше по коридору, мимо грязной маленькой ванной, в комнатку в конце дома. Она больше напоминала кладовку. Из мебели в ней были только односпальная кровать и шкаф. Кровать была завалена мешками для мусора с одеждой и полотенцами. На подоконнике лежала расческа и стояла банка крема для лица. На батарее висели огромные грязно-серые трусы.

– Ого, – воскликнул Макгорри, взяв их в руки. Эрика посмотрела на него, но ничего не сказала. – Она отдала лучшую комнату Мариссе?

– Она сказала, что дочь платила ей за то, что она вела хозяйство.

– Не похоже, что она тут живет.

Мешки были покрыты слоем пыли.

– Сказала, что легла спать около десяти.

– Может, она спит на диване? – предположил Макгорри.

Они спустились вниз, в гостиную. На диване у окна лежало смятое одеяло и подушка. На полу валялась пустая литровая бутылка дешевой водки и две пустые тубы чипсов «Принглз».

– Она не упоминала, что спит на диване, – сказала Эрика и подошла к окну. На нем была грязь, конденсат и капли крови Мариссы. Через одинарный стеклопакет и неплотно прилегающую раму тянуло холодом. Все, что происходило на улице, прекрасно прослушивалось.

– Может, она была слишком пьяна, чтобы что-то вспомнить, – сказал Макгорри, указывая на пустую бутылку.

Эрика услышала, как захлопнулась дверь сервисного фургона и кто-то прошел мимо по тротуару. Возможно, убийца лежал в саду и поджидал Мариссу.

– Интересно, была ли у нее возможность закричать, – спросила Эрика, обращая вопрос скорее к себе, чем к Макгорри.

Глава 8

Эрика и Макгорри подошли к фургону, где шестеро коллег собрались на небольшой перекус. Они о чем-то говорили, но, увидев Эрику, замолчали.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она.

– Еду привезли, мэ, – сказал один из них, показывая на угловой столик с термопотом и горкой бутербродов.

– Спасибо. Как вас зовут? – спросила она.

– Констебль Рич Скевингтон, мэ.

Эрика и Макгорри взяли по бутерброду и налили в бумажные стаканчики горячего кофе. В тишине звук льющейся жидкости казался очень громким. Эрика обернулась. Коллеги были молоды, и она не знала никого из них.

– Кто может рассказать мне, как идет обход? – спросила она, распаковывая бутерброд.

– С Доном Уолполом и Иваном Стовальски поговорить пока не удалось. Ждем номера их телефонов, – сказала Кей, одолжившая Эрике кроссовки.

– А люди из других домов? Удалось что-то выяснить? – спросила Эрика, запивая бутерброд кофе.

– Половина домов пустуют, но местные, кто знал Мариссу Льюис, знали и про ее роман с Доном Уолполом, и про то, что она спит с Иваном Стовальски за спиной его жены.

– Нет единого мнения по поводу того, ушла от Ивана жена или нет, – сказал Рич. – Их пожилая соседка с глазами-бусинками говорит, что они уехали на север Англии к ее родственникам на Рождество. Также мы осматриваем сады и мусорные баки на предмет мобильного телефона жертвы, но пока ничего не нашли.

– А как дела у ребят, которые поехали в жилой комплекс?

– Я только что вернулся оттуда, – включился в разговор еще один молодой сотрудник. – Мы поговорили с привычным контингентом подозрительных лиц. Несколько парней сказали, что слышали о Мариссе Льюис.

– В смысле – «слышали»? – переспросила Эрика.

– Они утверждают, что она ходила по рукам, – это их слова, не мои. Один из них судим, сидел три года за изнасилование. Второй – тоже судим, за вооруженное нападение и нанесение тяжких телесных повреждений. У обоих есть алиби, всю ночь до шести утра они провели в клубе «H2O» на Нью-Кросс-Гейт. По их словам, мы можем запросить съемку с камеры оттуда.

Эрика закатила глаза.

– Этот клуб... Знаю его. И не сосчитать, сколько раз мы уже запрашивали съемку с камер оттуда. Ладно, пусть кто-нибудь этим займется... А что они положили в эти бутеры? – воскликнула она с полным ртом.

– Праздничный рождественский бутерброд. Больше на заправке ничего не было, – сказал Рич.

Эрика выплюнула все, что успела откусить, назад в упаковку.

– Я понимаю всю прелесть индейки и клюквы, и даже соус ничего, но печеный-то картофель зачем класть в сэндвич?

Эрика выбросила недоеденный бутерброд в мусор и обвела взглядом полицейских, которые отвели глаза, не желая попадаться ей под горячую руку. Почти все ее ровесники взяли сегодня выходной, чтобы провести день с семьей или второй половиной. Ей не хватало ставших почти родными коллег, с которыми она часто работала вместе, – инспекторов Мосс и Питерсона, сержанта Крейна. Интересно, хорошо ли им сейчас. Эрика была рада, что с ней Макгорри. Пусть он почти что новичок, но он предпочел остаться на посту, рискуя нарваться на гнев своей подруги, которая ждет его дома.

У Эрики зазвонил телефон. Номер был незнакомый, и она решила выйти из фургона. На улице стемнело, в горле першило от холода.

– Привет, Эрика, это Ли Грэм.

– Привет, с Рождеством! – поздравила его она.

– И тебя с Рождеством! Мне сегодня не повезло, я в лаборатории.

Ли работал криминалистом и компьютерным экспертом, и они пересекались на нескольких расследованиях. Эрике нравился Ли. Между ними иногда проскальзывал легкий флирт, но ничего более. Эрика подумала: «Не потому ли он решил выйти на работу в Рождество, что в данный период у него нет отношений?»

– Чем я обязана такой чести? – спросила она.

– К сожалению, я звоню не по личному вопросу. Увидел твое имя на срочном запросе о проявке пленки.

- Да. Как скоро сможешь сделать?

- Уже сделал. Отсканировал и отправляю их на твой рабочий мейл. А оригиналы отправлю обычной почтой.

- Спасибо. Пиво за мной.

- Будем надеяться, - ответил он.

Эрика услышала сигнал уведомления на телефоне.

- Кажется, пришел твой мейл.

- Хорошо, тогда не задерживаю тебя. С Рождеством! - сказал он и повесил трубку.

Она открыла сообщение и просмотрела приложенные фото. Большинство кадров было сделано с дерева напротив комнаты Мариссы. На нескольких ночных кадрах она, явно только что после душа, была завернута в полотенце. Затем голая, надевающая белье. Далее было три фотографии, также с дерева, мертвого тела Мариссы в снегу. Затем еще три, но уже с более низкой точки - скорее всего, с высоты его собственного роста.

- Джозеф Питкин, маленький лживый гаденыш, - пробормотала Эрика.

Она подошла к калитке Мариссы. Замерзшая кровь в палисаднике быстро исчезала под свежим слоем снега. Эрика задрала голову и посмотрела на толстые голые ветки дерева.

- И часто ты здесь выслеживал ее, Джозеф?

Она снова просмотрела фотографии и увидела, что в самом конце сообщения была приписка от Ли:

Владелец камеры использует профессиональную 35 мм пленку ILFORD DELTA 100, а проявляет ее, вероятно, в темной комнате. Ли.

Эрика уже хотела было возвращаться в фургон, но вдруг почувствовала едкий запах горящего пластика. Повернув голову, она увидела, что в конце переулочка, ведущего к дому Питкинов, в небо поднимается дым.

Эрика рванула в ту сторону. Густой черный дым валил из-за хвойных деревьев в саду Питкинов. Она взобралась на мусорный бак. На этот раз, в кроссовках, сделать это было гораздо легче. Подтянувшись на стену, она увидела Джозефа в длинном пальто, суетящегося вокруг металлической бочки, из которой вырывалось пламя. На снегу рядом с ним лежала коробка с бумагами. Он взял пачку и швырнул ее в бочку. Пламя разгорелось с новой силой, и в темное небо полетели искры. Окна дома были темными, и Джозефа освещал только свет костра.

Эрика тихо спрыгнула на землю между стеной и деревьями и пошла к нему. Джозеф услышал хруст ее шагов по снегу.

– Прекрати сейчас же, – сказала она.

Он схватился за лопату, приставленную к бочке, но Эрика быстро рванула вперед и выхватила ее. Она подумала, что он бросится бежать, но вместо этого он плюхнулся на снег, зажав голову руками. Эрика достала телефон и стала звонить Макгорри.

Глава 9

– Здесь целые пачки фотографий Мариссы, – сказала Эрика, просмотрев стоявшую у бочки коробку.

Она взяла в руки черно-белый снимок с ее выступления. Макгорри собирал те, что выпали из коробки на снег. Огонь в бочке потух, но сохраняющееся в ней тепло согревало их в этот холодный вечер.

– Вот это кадр что надо! – воскликнул Макгорри, задержавшись на снимке Мариссы, где она стояла на сцене в одних трусиках и с кисточками на сосках. Зубами она эффектно снимала с себя длинную черную перчатку.

– Давай без глупых комментариев. Просто сложи их все в мешок, – сказала Эрика и посмотрела на дом.

В кухне горел свет. Над сидящим на стуле Джозефом нависали двое полицейских. Один говорил с ним, второй – записывал. Джозеф плакал.

– Как думаешь, он не притворяется?

– Он же маменькин сынок!

К этому моменту с Джозефа слетела вся его бывшая самоуверенность. От волнения он выдирает собственные волосы, а потом встал и начал кричать на полицейских. Один из них толкнул его назад, на стул, который чуть не перевернулся, и закричал что-то ему в ответ. Эрика сняла резиновые перчатки и зажгла сигарету. Из огня спасти ничего не удалось. На дне ведра осталась только черная кучка. Ей требовалось быстро принять решение, задерживать Джозефа или нет, вызывать его на допрос или нет. По его словам, родители ненадолго ушли в гости к соседям. Она посмотрела на часы. Было почти восемь. Она глубоко затянулась, и тут зазвонил телефон. Отойдя к стене, она посмотрела, кто звонит. Это был Марш. Выключив звук, она вернула телефон в карман и случайно уронила зажженную сигарету. Та упала куда-то под деревья. Эрика снова достала телефон, включила фонарик и стала искать окурки. Сигарета нашлась под ветками хвои – она даже не успела потухнуть. И тут чуть поодаль Эрика увидела небольшой участок разрыхленной земли. Днем его не было. Она крикнула Макгорри, чтобы тот принес стоявшую у бочки лопату.

– Взгляни, – сказала она, когда тот подошел. – Когда мы прыгали со стены сегодня днем, ничего такого не было. Копай.

Она направила фонарик вниз, а Макгорри начал ковырять землю. Не прокопав и метра, он наткнулся на небольшую грязную упаковку, обмотанную пленкой. Эрика надела новые перчатки и села на корточки. Стряхнув землю, она начала аккуратно разворачивать слои полиэтилена, предполагая добраться до упаковки гашиша. Но под последней пластиковой оберткой оказался айфон в розовом

чехле со стразами. Сзади кристаллами Swarovski было написано «Марисса».

- Офигеть, - не сдержался Макгорри.

- Да уж. Вызываем его на допрос.

Эрика убедилась, что телефон выключен, положила его в чистый прозрачный пакет, и они с Макгорри направились в дом. Дэвид и Элспет Питкин как раз вернулись от соседей.

- Какова цель настоящего вторжения? - спросил Дэвид, еще не успевший снять толстое пальто и серую шапку с кисточкой.

Элспет устремилась к Джозефу, пристально вглядываясь в его заплаканное лицо.

- Что они с тобой сделали? - воскликнула она.

Джозеф молча вытаращился на нее.

- Мистер и миссис Питкин, хорошо ли у вас прошел вечер? - спросила Эрика, лучезарно улыбаясь.

Дэвид повернулся к ней.

- Что здесь происходит?

- Ваш сын жег в саду фотографии жертвы убийства.

Элспет многозначительно посмотрела на мужа, но тот проигнорировал ее взгляд.

- Фотографирование не является нарушением закона. Мы уже обсуждали это с вами, старший инспектор Фостер.

– Зато кража мобильного телефона у трупа и закапывание его в саду – нарушение закона, – сказала Эрика, продемонстрировав им пакет с мобильным телефоном. – Это называется «сокрытие улик».

– А откуда нам знать, что это не вы его туда закопали? – вскричала Эспет срывающимся голосом.

Эрика кивнула своим коллегам в форме.

– Джозеф Питкин, я арестовываю вас по подозрению в сокрытии улик...

– НЕТ, НЕТ, НЕТ, МОЙ МАЛЬЧИК! – заплакала Элспет, бросаясь наперерез полицейским.

– ...сокрытии улик по делу об убийстве. Вы можете хранить молчание, но, если во время допроса вы скроете что-то, на что впоследствии будете ссылаться в суде, это может повредить вашей защите. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

– Вчера вечером он был с нами! Он никуда не выходил! – не унималась Элспет, протягивая руки к сыну. Один из полицейских отодвинул ее в сторону и надел на Джозефа наручники, зафиксировав руки сзади. – Не трогайте меня! Вы не имеете права! – визжала она.

Дэвид с побледневшим лицом наблюдал за происходящим.

– Пожалуйста, осторожнее, мой сын очень уязвим, – попросил он.

– Заберите у него телефон, – дала команду Эрика.

Ее коллега запустила руку в карман пальто Джозефа, достала оттуда смартфон и передала Эрике. Та выключила его и положила в прозрачный пакет.

– Обыщите дом сверху донизу. Вы как знаток законов, мистер Питкин, вряд ли будете спорить с тем, что ваш сын предоставил мне достаточно поводов для обыска без ордера.

– Пожалуйста! Не сажайте его в камеру. Пожалуйста! – кричала Элспет.

Когда Джозефа выводили на улицу, Дэвиду пришлось держать ее под руки.

Глава 10

Камеры временного содержания в участке Льюишем-роу находились в подвале. От остальных помещений их отделяла стальная массивная дверь. Эрика работала в полиции давно и помнила, что раньше это промозглое место называли «отсек». Как ни называй, узкий коридор с грязно-зелеными стенами и толстыми стальными дверями с решетками по обеим сторонам наводил тоску.

Дежурил сегодня Рэй Ньютон – невысокий, упитанный мужчина, с залысинами и густыми усами. Он уже ждал Джозефа, которого подвели к его столу двое полицейских в форме.

– Его уже полностью обыскали, – сообщила Эрика. – Мы ждем информации о том, кто будет защищать его интересы.

– Ну что ж, молодой человек, – начал Рэй, доставая планшет и протягивая ему ручку, привязанную к столу толстой бечевкой. – Нам нужно будет подписать ряд документов, поэтому сейчас с вас снимут наручники. Попрошу без фокусов. Будете вести себя хорошо – получите то же в ответ.

Джозеф снова начал истерить и кидаться из стороны в сторону, несмотря на сковывавшие его движения наручники.

– Вы! Да вы суки! – орал он, поворачиваясь к Эрике и Макгорри.

– Хватит! – остановил его Рэй.

– Да они мне дело шьют! Я ничего не сделал! Ничего!

– Оставляем его вам, – сказала Эрика, кивком приглашая Макгорри пойти с ней.

Поднявшись по лестнице и миновав массивные двери, они оказались в холле участка и подошли к торговым автоматам.

- Обожаю, когда на меня орут матом в Рождество, - съязвил Макгорри.

- Да, это сразу создает праздничное настроение, чувствуешь себя так, словно сидишь перед камином с чашкой чего-нибудь горячего в руках.

- Хочешь попарить его в камере ночку? - спросил Макгорри.

- Хочу дождаться утра, а утром допросить его, - поправила его Эрика. - Кей сейчас пытается разблокировать телефоны.

У нее зазвонил телефон, и она быстро поговорила с полицейским, оставшимся у Питкинов.

- Нашли импровизированную темную комнату в маленьком шкафу в комнате Джозефа, но фотографий там нет, - рассказала Эрика, закончив говорить.

- Успел их сжечь до нас, - уверенно сказал Макгорри.

- Кей умеет работать с электронными гаджетами. До допроса нужно понять, что есть на его телефоне и на аппарате Мариссы. Надеюсь, что-нибудь обнаружится.

- Странная семейка, да? Хотя богатеи всегда странные. У него что, ума не хватило снять чехол с именем Мариссы перед тем, как закапывать?

- Не стоит недооценивать глупость людей. Надо будет еще сравнить его отпечатки с теми, что были на катушке с пленкой.

- Как думаешь, Марисса Льюис знала, что он ее постоянно фотографирует?

- Думаю, он ходил на ее шоу, билет купил.

- Тогда зачем их жечь?

Эрика устало покачала головой.

– Надо будет получить подтверждение, что телефон зарегистрирован на Мариссу, и выяснить все что можно про Джозефа. Есть ли судимость и тому подобное.

Эрика нажала на кнопку на кофе-автомате, оттуда выпал стаканчик и стал заполняться дымящейся жидкостью.

– Мэнди Трент рассказала обо всех, с кем общалась Марисса. И Джозефа она не упоминала. Попрошу Танию спросить насчет него, – сказала Эрика, вытаскивая стаканчик.

– У нас нет достаточно улик, чтобы предъявить ему убийство. И у него есть алиби, – добавил Макгорри.

– Со слов матери.

– У нас нет никаких доказательств, что вчера вечером он был на месте преступления.

– Пока нет. Пока. А еще нет ни отчета о вскрытии, ни данных от криминалистов. Игра еще даже не успела начаться.

Макгорри зевнул, вложил в автомат деньги и выбрал кофе. Пока напиток наливался, Эрика смотрела на усталое лицо коллеги.

– Иди домой, отдохни. Завтра жду тебя на допрос.

Они оба отпили по глотку и тут же выплюнули все назад в стакан.

– Что это еще за дрянь?

– Суп из бычьих хвостов, – скривился Макгорри.

– Ты нажимал на кофе?

- Да.

Они выбросили стаканы в маленькое мусорное ведро у автоматов. Эрика положила в аппарат следующую порцию монет и выбрала кофе с молоком. Когда напиток был готов, она его понюхала.

- Снова этот проклятый суп! Кафетерий, значит, закрыт, и мы должны травиться этим бычьим супом!

- Наверное, ошиблись, когда заправляли автомат, - предположил Макгорри.

Эрика закатила глаза и отправила в мусорку и второй стаканчик.

- Куда катится эта страна? В сэндвичи кладут картошку, вместо кофе - бычьи хвосты в супе! Я ни одного человека не знаю, кто ест этот суп, но в дешевом кофейном аппарате он почему-то на третьем месте после чая и кофе.

- Его даже в консервах продают.

- Этот суп?

- Да. У моей Наны весь шкаф ими забит. Она его обожает.

Эрика посмотрела на него и засмеялась.

- Ладно, вали домой, съешь праздничный ужин. До завтра! - попрощалась она.

* * *

Ее кабинет на четвертом этаже был так мал, что туда с трудом помещался маленький стол, стул и шкаф для документов. Кей работала за ноутбуком, к которому был подключен телефон Джозефа.

- Извини, кофейный автомат глючит, а на кухне ничего нет, - сказала Эрика. - Как дела?

– «Айфон» запаролен. Его придется отправлять в отдел по киберпреступлениям, и то не факт, что у них что-то получится. В «Айфон» влезть практически невозможно. Пробыла номер IMEI – это телефон, продававшийся с тарифным планом.

– То есть по такому телефону сложнее получить информацию. Черт.

– Зато телефон Джозефа без пароля, это хорошая новость. Только что скачала все эти видео, – сказала Кей, показывая на окно на экране со списком файлов.

Эрика немного обрадовалась и уселась рядом. Кей начала открывать файлы один за другим. Некоторые были очень короткими – на одном была кошка, потягивающаяся за окном комнаты Джозефа. На другом – раскрасневшаяся Элспет, вынимающая огромный плетеный каравай из печи. Затем еще одно с кошкой в саду, когда она охотилась среди горшков с цветами за бабочкой адмиралом – игриво, по-кошачьи, но смертельно опасно для бабочки.

– Все это так мило, – сказала Эрика.

Когда Кей кликнула следующее видео, они чуть не подпрыгнули от резкой и оглушающей музыки. Сначала играло что-то непонятное и в кадре был хаос, но затем изображение сфокусировалось. На маленькой сцене в переполненном клубе за красным бархатным занавесом стояла Марисса Льюис. Тот, кто снимал видео, сидел в зале, где-то сзади, потому что виднелись затылки впереди сидящих людей. Волосы Мариссы были убраны в локоны, на губах – красная помада, на глазах – огромные накладные ресницы. Она медленно расстегивала длинный черный плащ. Когда он упал на пол, на ней остался розовый шелковый корсет в стиле 50-х, чулки, подвязки и туфли на шпильке. Во время ее выступления камера дрожала. Постепенно Марисса сняла с себя все, оставшись в трусах и с кисточками на сосках. Поклонившись под аплодисменты, она продефилировала за сцену.

– Вот это да! А она хороша! – сказала Кей.

– Я думала, она что-то низкопробное танцевала, а это – ну, профессиональный бурлеск, – согласилась Эрика.

Далее в телефоне обнаружилось несколько фотографий с того же вечера. На одной из них Джозеф позировал с Мариссой у столиков в клубе. Кто-то их сфотографировал.

– Как думаешь, Марисса его знала? – спросила Эрика, пока Кей пролистала шесть почти одинаковых снимков, на которых Джозеф обнимал Мариссу за талию.

– Он похож на ненормального фаната, от которого хочется побыстрее избавиться. Зачем ему надо было делать шесть кадров? К шестому ей уже явно хотелось исчезнуть, – сказала Кей.

– Когда они сделаны?

– Почти год назад. В январе.

Кей открыла остальные фотографии с того вечера. На них Марисса говорила с кем-то и позировала. Кадры у барной стойки были нерезкими. На следующих снимках фон уже был другим – совершенно темным, подсвеченным вспышкой.

– А это еще что? – спросила Эрика.

– Временная метка та же – тот же вечер, то же время.

– Такое ощущение, что это в примерке.

На фотографиях была пустая комната с большим зеркалом и лампами вокруг него. С близкого расстояния была снята вешалка с костюмами для бурлеска. На полу валялись черные кружевные трусики. Чья-то рука поднесла их к камере. На них был вышит бриллиант.

– Желтый бриллиант. Он вышит на всех костюмах Мариссы, – сказала Эрика.

За этими фотографиями последовало видео с домом Мариссы Льюис. Съемка велась сверху, ночью, и в объективе было окно ее комнаты. Изображение дрожало, было слышно, как в микрофоне телефона шумит ветер. В кадре появилась Марисса – она ходила по комнате в полотенце. Подойдя к туалетному

столику, она взяла щетку и принялась расчесывать мокрые волосы. Затем полотенце упало, и она осталась голой. Снимающий попытался приблизить изображение, и оно потеряло резкость. Когда фокус восстановился, Марисса стояла у окна и смотрела прямо в камеру.

- Черт, - сказал Джозеф, но его голос заглушал ветер.

Камера продолжала снимать. Марисса стояла и, не двигаясь, смотрела в камеру. Затем она положила руки на грудь и повела их вниз. У лобка она остановилась, погрозила пальцем и задернула шторы. Камера еще несколько секунд снимала окно, а затем съемка прервалась.

- Она знала, что Джозеф за ней следит? - предположила Кей.

- Она знала, что кто-то за ней следит.

Кей включила еще одно ночное видео с тем же самым окном. На этот раз спальня Мариссы была ярко освещена, и она вошла внутрь с высоким мужчиной намного старше нее. Марисса словно специально подвела его к окну, и в камеру попало его лицо. Кей промотала видео вперед. Они подошли к постели, начали целоваться и раздевать друг друга. Это было самое долгое видео с телефона - оно длилось десять минут. Когда они начали заниматься сексом, камера приблизилась.

- Надо извлечь четкое изображение лица этого мужчины и узнать, кто это. Когда было сделано видео?

- Четырнадцатого декабря этого года. Думаешь, она знала, что их снимают?

- Могла даже сама попросить заснять их, - сказала Эрика, потирая уставшие глаза и откидываясь на спинку стула. - Что ты думаешь про него?

- За то время, которое мы были в доме? Мне он показался испуганным и сильно привязанным к матери.

- Пока он соответствует всем параметрам. Зациклен на Мариссе. Ходит за ней, следит за ней. Украл ее телефон, фотографировал ее труп. Но нужны

результаты криминалистической экспертизы. Чтобы арестовать его, мне нужен анализ ДНК.

* * *

В подвальном помещении участка Льюишем-роу было тихо. Распахнутые пустые камеры ждали новых постояльцев, желающих провести здесь Рождественскую ночь. Закрытой была только одна дверь в самом конце длинного коридора. Рэй встал из-за стола и, скрипя ботинками, пошел на обход. Его нужно было проводить четыре раза в час, один раз каждые пятнадцать минут. Рэй открыл решетку на закрытой двери и осветил внутрь фонариком. Джозеф лежал на кровати в углу.

- У тебя все нормально, парень? - спросил он.

Джозеф дернул плечом и отвернулся к стене.

- Да, отлично, - буркнул он.

Люк с грохотом закрылся, и Джозеф сморщился от этого резкого звука. Он заерзал, пытаясь найти удобное положение. По щекам у него текли слезы.

Глава 11

За шесть километров от участка, на улице Уолпол-роуд района Сиденхэм, свистел ветер, гоняя снег и наметая сугробы у стен. Диана Кроу вышла из дома своей подруги Фионы в начале двенадцатого ночи. Она хотела уйти раньше, но Фиона настояла, чтобы они вместе досмотрели фильм.

Дрожа от холода, Диана наклонила голову и поспешила выйти с темной заснеженной улицы на широкую дорогу. Несмотря на мороз, лицо у нее горело от четырех бокалов сладкого шерри. Пропустив маленький фиат, она начала переходить дорогу. Снег валил весь день, и тротуар было не отличить от проезжей части. Она осторожно шла вперед, боясь споткнуться о бордюр.

Наконец она ступила на тротуар и вздрогнула. Было так тихо! Во всех окнах горел свет, но занавески были плотно задернуты. До дома оставалось идти всего несколько минут. Фиона предлагала ей вызвать такси, но Диана подумала, что это бред – платить уйму денег за тридцать секунд езды. Между их домами – всего три улицы.

Около железнодорожной станции было темно. Фонари не горели, и площадка перед входом была погружена во мрак. Машин не было. Прибавив шагу, она стала спускаться в подземный переход. Оттуда пахло влажностью и запахом мочи, и Диана закрыла рот воротом пальто. Внизу было абсолютно тихо, и тишину нарушал только гул ее шагов. Улица по ту сторону перехода, залитая оранжевым светом ламп, казалась такой далекой. Она ускорила шаг и уже почти вышла на свет, когда вдруг от стены отделилось что-то темное, высокое и преградило ей путь.

Она остановилась, не в силах сделать шаг. Впоследствии она спрашивала себя, почему она не повернулась и не побежала – ведь до ее двери оставалось менее минуты. Почему она не оказала сопротивления, не закричала? Она просто стояла, парализованная страхом, и ждала приближения этой огромной фигуры, которая подошла, тихо шаркая, и нависла над ней. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что это человек в противогазе. За стеклами на месте глаз была пустота. Резина облегла его череп, а из-под дыхательной коробки вырывался пар. На маске были нарисованы белые квадратики, похожие на зубы, обнажившиеся в фальшивой улыбке. Он задышал быстрее, и она ощутила какой-то химический запах и потом увидела, что у него расстегнуто пальто и он мастурбирует рукой в перчатке.

Диана уже была готова закричать, но он схватил ее за горло и прижал к холодной кирпичной стене. Тишина вокруг была оглушительной. От его хватки она начала задыхаться, надеясь как можно скорее потерять сознание. Когда глаза начала застилать темнота, он ослабил захват, но, как только она смогла сделать вдох, он снова начал ее душить.

Наверху, на улице, никого не было. Падал снег. Было тихо и спокойно.

Эрика приехала домой поздно. В квартире было холодно. За два года, что она здесь жила, ей так и не удалось разобраться, как работает таймер на бойлере. И сейчас, переступив порог, она первым делом включила обогрев и не снимала пальто, пока воздух не стал теплее.

Затем она набрала горячую ванну – настолько горячую, насколько могла выдержать. Обжигающая вода заставила ее забыть о работе, но так и не стерла из памяти образ Мариссы Льюис, лежащей на снегу. Место преступления всегда рассказывает законченную историю. Маленький палисадник на Конистон-роуд кричал о жестокой битве. Река крови, вмерзшее в снег тело, отброшенная туфля. Порванный клатч, выпавшие из него вещи. Ключи, так и оставшиеся торчать в замочной скважине. Если бы она подошла к двери на несколько секунд раньше, успела бы она повернуть ключ и войти в дом?

Эрике трудно было не тонуть в жалости к жертве. Чтобы сохранить здравомыслие, нужно воспринимать тело не как человека, а как неодушевленный предмет, вещественное доказательство. Но Эрике это не удавалось. Не удавалось ей и жить нормальной жизнью, приходя домой и оставляя работу на работе. Дома ее никто не ждал. После смерти Марка у нее завязались отношения с коллегой, инспектором Джеймсом Питерсоном, и на некоторое время она обрела человека, к которому можно было возвратиться после работы. Точнее, она приезжала к нему домой, они смотрели телевизор, ели еду из доставки и смеялись. Потом Питерсон получил серьезнейшую травму: ему выстрелили в живот, когда они вместе с Эрикой задерживали похитителя и убийцу девушек. Последующее длительное восстановление, попытка вернуться к жизни и работе проложили между ними дистанцию. Конец, казалось бы, прекрасных отношений получился ужасным. И Эрика снова осталась коротать бесконечные вечера наедине со своими мыслями.

Она вспомнила о зубе Мариссы, застрявшем в кирпичной кладке столба. Она закрыла глаза, но он так и стоял перед ней – сломанный у самого основания и со следами красной помады. Эрика открыла глаза и налила в ванну еще немного горячей воды. Ее обычно бледные ноги покраснелись, вновь и вновь напоминая ей об окровавленных ногах Мариссы с фотографии, сделанной с дерева. Она мысленно перенеслась к дому Мариссы и снова представила ее распахнутое пальто и сидящего на корточках Айзека. Тонкое платье задралось, обнажая белье. На нем не было ни единой капли крови. Сквозь прозрачный материал виднелась аккуратная линия волос зоны бикини.

Выдернув пробку из ванны, Эрика завернулась в полотенце и поспешила в гостиную, где на журнальном столике лежал ноутбук и папка с материалами следствия. В комнате было темно, занавески так и остались незадернутыми. На улице, стуча по стеклу, шел снег. Эрика подошла к компьютеру и еще раз просмотрела фото, сделанные Джозефом. Сначала те, что были сняты с дерева, затем – с близкого расстояния.

– Ты просто больной, – пробормотала она, переключаясь между двумя снимками с разных ракурсов. – Спустился с дерева и задрал ей подол...

У Эрики зазвонил телефон. От неожиданности она чуть не подпрыгнула. На часах было начало двенадцатого. Звонил Эдвард – узнать, хорошо ли прошел обед.

– Я в итоге не пошла. Меня вызвали на работу, – сказала она. – Очень грустная история. Молодую девушку убили прямо на крыльце ее дома.

– Ого. Хочешь поговорить об этом?

– Не особо. Слишком уж мрачно и неприятно это для Рождества. Ты хорошо провел день?

– Да, даже устроил спонтанную вечеринку, – засмеялся он. – Ко мне заглянула соседка Келли со своей мамой Ширли. Принесли большую лазанью и «Монополию». Манчестерский вариант. Ты знаешь, какая там самая дорогая улица?

– Корнейшен-стрит?

– Вот и я так думал. А на самом деле – Лоури на Салфорде. Стоит столько же, сколько Парк-Лейн в Лондонской версии. В Монополию выиграть нельзя, если не раскошелиться на лучшую недвижимость.

– Так непривычно слышать от тебя слово «недвижка».

– Вот так я и выиграл. Стал настоящим магнатом!

Он говорил, как абсолютно нормальный человек. В нем не осталось ничего от того сбивающегося с мысли старика, звонившего утром. На заднем плане у Эдварда работал телевизор.

- Я рада, что у тебя было хорошее Рождество.

- Я только что вернулся с кладбища. Шел снег, но в небе над горами было ясно и светила луна. Я подумал, что это красиво. Правильно ведь?

- Да.

- Не хотел оставлять Марка одного в Рождество, - сказал он дрожащим голосом. - Так тяжело жить без него.

- Это так, - сказала она, вытирая глаза.

- Но ничего не поделаешь уже.

- Ничего.

Повисла долгая тишина, которую нарушал только смех из телевизора.

- Ладно, я просто хотел спросить, как у тебя дела, моя девочка, и пожелать спокойной ночи.

- Спасибо.

- С Рождеством. Я позвоню тебе еще.

- С Рождеством, - ответила Эрика.

Смех на заднем фоне прервался, и Эрика снова погрузилась в тишину своей квартиры. За окном все шел снег. Она задернула шторы и включила свет. Снова зазвонил телефон. На этот раз это была Кей.

- Извините за поздний звонок, но я кое-что нашла в телефоне Джозефа.

- Ничего. Ты все еще на работе? – удивилась Эрика.

- Просматривала скачанные файлы и нашла на жестком диске еще несколько удаленных. Некоторые из них мне удалось восстановить. И они пугают.

- Порнография?

- Нет. Там фото и видео Джозефа. Я их пересылаю вам.

Эрика положила трубку и открыла почту. В приложении было шесть фотографий. Голый Джозеф лежал на спине с выпученными от страха глазами. Его шея, ноги и руки были привязаны к деревянному столу кожаными ремнями. Чья-то мужская рука схватила его за шею, отчего на коже проступили жилы. Эрика открыла видео. На нем была та же сцена, что и на фотографии. Съемка велась, скорее всего, с мобильного телефона.

- Пожалуйста, пожалуйста, отпустите меня. Я никому ничего не расскажу. Я буду молчать! – умолял Джозеф, жмурясь от яркой вспышки камеры.

- Конечно, будешь молчать. Разве ты хочешь, чтобы это увидели все твои знакомые? – говорил искаженный металлический голос. Рука схватила Джозефа за гениталии, и он закричал от боли.

- У меня есть твой адрес, – сказал голос. – Твой телефон. Проболтаешься – и это увидят все твои контакты. Друзья, семья, все.

Ракурс сменился, и в объективе появился стол с расставленными в ряд секс-игрушками. Та же рука взяла самую большую и снова вернулась к Джозефу, который попытался сдвинуть ноги, но они были зафиксированы и привязаны к столу.

- НЕТ! – закричал он. – НЕТ!

Эрика отключила звук и с трудом заставила себя досмотреть видео до конца.

Эрика приехала в участок в самом начале девятого. Работы по реконструкции центра Льюишема, которые начались, еще когда Эрику только перевели на юг Лондона, были почти завершены. По сравнению с уходящими в небо небоскребами элитного жилья, восьмиэтажный полицейский участок теперь смотрелся сущим карликом. Краны этим снежным утром отдыхали от работы, а на первом этаже переливалась огнями рождественская елка.

Заснуть Эрике так и не удалось. После просмотра видео с Джозефом это было невозможно. Судя по съемке, он сам был чьей-то жертвой, но ей по-прежнему требовалось допросить его и выяснить, какую роль он сыграл в убийстве Мариссы Льюис. К тому же еще не поступили результаты вскрытия и ДНК-анализа. Орудие убийства до сих пор не было найдено. Эрику беспокоило такое обилие неизвестности, но с этими фото- и видеоматериалами у нее появился рычаг давления на Джозефа.

* * *

В девять утра два сотрудника в форме привели Джозефа в комнату для допросов. Он был без наручников, бледный, с темными кругами под глазами. Адвокат в дорогом костюме в тонкую полоску вошел вместе с ним. Вид у него был сонный. Он был явно не рад тому, что его вызвали на работу в выходной день. Представившись как Генри Шевалье, он опустился на стул рядом с Джозефом.

Эрика села за стол напротив них, возле не менее сонного Макгорри, на которого Джозеф смотрел с ненавистью.

– Сейчас 9:04, 26 декабря 2017 года, – начала Эрика. – На допросе присутствуют старший инспектор Эрика Фостер, инспектор Джон Макгорри, Джозеф Питкин и его законный представитель Генри Шевалье.

Генри наклонился к Джозефу и прошептал что-то ему на ухо. Тот лишь кивнул. Эрика открыла одну из серых картонных папок, которые были разложены на столе, и достала из нее фотографии с проявленной пленки.

– Джозеф, вы сделали эти снимки? – спросила Эрика, раскладывая их по столу.

На долю секунды в глазах Джозефа отразился шок, после чего он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Мой клиент решил не отвечать на этот вопрос, – сказал Генри.

– Эти снимки – с пленки, которую мы нашли в маленькой катушке в переулке у вашего сада и проявили, – продолжила Эрика. – Думаю, она выпала у вас из кармана, когда вы перелезали через стену.

При этих словах Джозеф нахмурился.

– Мы сняли с нее отпечатки пальцев. Обнаружили большой и указательный палец, и они совпадают с вашими. Поэтому снова спрашиваю. Вы сделали эти фотографии?

Джозеф посмотрел на Генри. Тот кивнул.

– Да, я.

– Вы фотографировали труп.

– Мы и сами прекрасно видим эти фотографии, – ответил Генри.

Эрика взяла снимок лица Мариссы, сделанный с близкого расстояния, – лицо забрызгано кровью, глаза широко раскрыты, с застывшим в них выражением ужаса.

– Эта фотография сделана с высоты, с ближайшего дерева, – сказала Эрика, показывая фотографию Джозефу. Тот не стал смотреть. – Видно, что подол ее платья закрывает бедра.

Эрика взяла другую фотографию.

– А вот здесь, на фотографии, сделанной вблизи тела, подол задран и видно белье. Вы трогали тело, Джозеф?

Он покачал головой.

– Мы нашли видео на вашем мобильном телефоне, которые говорят о том, что у вас была нездоровая страсть к Мариссе Льюис. Вы тайно снимали ее, когда она находилась у себя в комнате и когда занималась сексом с мужчиной.

Джозеф задрожал и побелел.

– Я ее не убивал.

– А что вы сделали? – спросил Макгорри, откинувшись на спинку стула и скрестив руки. – Поиграли с ее мертвым телом? Воспользовались возможностью запустить руки ей в трусы, когда она уже не могла сопротивляться?

– Господа, сохраняйте уважительный тон, – включился Генри.

Эрика собрала фотографии, убрала их в папку и открыла вторую.

– Мы пробрили вас по нашей базе. В четырнадцать лет вы отбыли шесть месяцев в колонии для несовершеннолетних за нападение на мальчика в школе и нанесение ему телесных повреждений разбитой бутылкой. Врачам чудом удалось спасти его глаз.

Эрика продемонстрировала фотографию темноволосого подростка с уродливым фиолетовым шрамом и швами от брови через все веко.

– Это была самозащита. Он меня ударил, – объяснил Джозеф.

– Почему же вы не нанесли ответный удар? Вместо этого вы разбили бутылку и врезали ей ему по лицу. Так делают психи, – сказал Макгорри.

– Можно узнать, вы планируете предъявить моему клиенту обвинения? – спросил Генри. – И если да, то в чем конкретно? Он отбыл полный срок наказания за свой поступок. А также у него есть алиби на тот период, когда была убита Марисса

Льюис.

- Предоставленное родителями, - уточнила Эрика.

- Отец моего клиента - бывший королевский адвокат с безупречной репутацией. Он утверждает, что Джозеф провел дома всю ночь и вышел только утром.

- Они все спят в одной комнате?

- Что это за бредовый вопрос?

- Бредовый? Место преступления - менее чем в двух минутах ходьбы от его дома. Джозеф уже продемонстрировал нам, что он любит прыгать через стену. Он мог сбегать туда-обратно очень быстро.

- Ключевое слово - мог. Инспекторы, есть ли у вас конкретные доказательства?

- Мы взяли образцы ДНК с тела жертвы. Дом Питкинов обыскивают. Это лишь вопрос времени, - ответила Эрика.

- Да, уже одиннадцать часов позади.

- У меня есть право продлить арест еще на два дня.

- Я бы не советовал, - тихо произнес Генри безапелляционным тоном. Он смотрел прямо на Эрику.

- Это угроза?

- Конечно, нет, - ответил он, фальшиво улыбаясь. - Думаете, я бы стал вам угрожать под камерами и диктофоном? Вы, старший инспектор Фостер, случайно не параноик?

- Нет. Думаю, это просто сказывается отсутствие кофеина в крови, - улыбнулась она.

– У нас кофе-автомат глючит, – добавил Макгорри. – Какую кнопку ни нажимаю – получаешь суп из бычьих хвостов.

– Это имеет какое-то отношение к делу? – закатив глаза, спросил Генри.

Воцарилось молчание. Макгорри посмотрел на Эрику. Та вытащила из стопки третью, последнюю, папку, достала фотографии голого Джозефа, привязанного к столу, и кадр из видео. Разложив их на столе, Эрика и Макгорри откинулись назад.

К последовавшей реакции не был готов никто из них. Джозеф, и без того бледный, побелел как мел. У него затряслись руки.

– Подождите. А почему я этих фотографий не видел? – спросил Генри.

– Мы обнаружили эти фотографии и откровенное видео у вас на телефоне, Джозеф, – сказала Эрика. – Кто делал это все с вами? Это он отправил вам эти файлы?

Джозеф покачал головой и встал, уронив стул. Тут его вырвало прямо на стол. Эрика еле успела убрать две папки, и все трое отпрянули в разные стороны.

– Господи! – закричал Генри, с омерзением бросая на пол свои документы, залитые содержимым желудка Джозефа.

Джозеф тихо стоял, наклонившись вперед. Из рта у него текла слюна. Все были шокированы и не могли вымолвить ни слова. Вдруг он с криком бросился на Эрику, хищно оголив зубы.

– Ты сука чертова! – брызгал слюной он. Макгорри схватил его и прижал его руки к бокам. – Где ты их взяла? Как? Как ты их нашла? Он здесь ни при чем! Ни при чем! Он убьет меня!

– Кто? Кто вас убьет? – спросила Эрика, отходя подальше, потому что Джозеф пытался наброситься на нее. – Нам нужна помощь! – закричала она, поворачиваясь к угловой камере. Через несколько секунд в комнату ворвались двое полицейских и оттащили Джозефа к двери. – Кто вас убьет? Скажите мне

имя, и все это закончится.

Бьющегося в истерике Джозефа вывели из комнаты.

– Скажите мне, как его зовут. Я смогу вас защитить!

Дверь захлопнулась.

– Босс, допрос закончился, – сказал Макгорри, положив ей руку на плечо.

Эрика взглянула на Макгорри, на адвоката, на перепачканный стол и постаралась прийти в себя.

– Да.

– Боже мой, – в очередной раз воскликнул Генри, поднимая свою сумку и проверяя, испачкал ли он рукав пиджака. – С ума сойти!

Когда он вышел, Эрика и Макгорри так и продолжили стоять, не в силах выйти из оцепенения.

– Одно мы знаем точно: он плотно пообедал, – сказал Макгорри, сморщив нос.

Глава 14

В коридоре к Эрике и Макгорри подошла Кей с пачкой бумажных полотенец. Она смотрела трансляцию допроса в соседней комнате.

– Что это вообще было? – спросил Макгорри. Он взял салфетку и начал промокать рукав костюма. – Какая мерзость, только этого мне для счастья не хватало сегодня.

Стараясь не испачкаться, он аккуратно снял пиджак.

– Я попала в точку. Наступила на больную мозоль, – сказала Эрика, тоже взяв салфетку.

Но, осмотрев себя, она поняла, что каким-то чудесным образом не запачкалась.

– Непонятно, имеют ли эти фото и видео какое-то отношение к убийству Мариссы Льюис. Они больше похожи на порно-месть, – сказала Кей.

– Мне надо куда-то деть этот пиджак, босс. Две секунды, – сказал Макгорри и убежал, с омерзением зажав его двумя пальцами.

– Порно-месть – это когда обиженный любовник публикует интимные видео назло бывшему партнеру. Нет. Здесь человек, снимающий видео, шантажирует Джозефа, чтобы он молчал, – ответила Эрика.

– Мы не можем давить на больное место, чтобы заставить его говорить.

– Но я была так к этому близка!

– Как мы можем быть близки к чему-то совершенно непонятному, мэм?

– Пусть хорошенько уберутся в комнате, где был допрос, – сказала Эрика, возвращая ей полотенца. – И перестань называть меня «мэм».

Вернувшись в свой кабинет, она позвонила Айзеку и криминалистам, но и там и там ей ответили, что результаты будут готовы только на следующий день. Тогда Эрика связалась с сотрудником, который обходил дома на Конистон-роуд, и узнала, что ни с Доном Уолполом, ни с Иваном Стовальски еще поговорить не удалось. Зато имелись контакты Шэрон-Луизы Брайтуайт, подруги Мариссы из парикмахерской. Эрика поблагодарила собеседника и записала ее телефон. Не успела она набрать ее номер, как в дверь постучали.

– В чем дело?

Дверь открылась, и показалась голова Макгорри.

– Так, босс. Доктор осмотрел Питкина. По здоровью отклонений нет. Давление в норме, температура в норме, инфекций нет. Но он порекомендовал перед следующей попыткой допроса дать ему пару часов отдыха и возможность успокоиться. Он все еще не в себе.

Эрика посмотрела на часы. Близился полдень.

– Через пять часов мне нужно будет решить, продлевать ли арест еще на двое суток. И я никак не продвинулась в плане улик, чтобы предъявить ему обвинение... Ты, вообще-то, можешь зайти в кабинет. Необязательно в дверях стоять.

Макгорри вошел и закрыл за собой дверь.

– Спрошу в лоб. Думаешь, он ее убил?

– Не знаю, способен ли он на это, – пожал плечами Макгорри. – Тот, кто это сделал, совсем с катушек съехал. Рубанул ее ножом. Наверняка сам весь залился ее кровью. Ну и кровавый след тянется только до калитки, а машины у Питкина нет. Орудие убийства мы так и не нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/bryndza_robort/smertel-nye-tayny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)